

Александр
Павлович
Чудаков

Александр Павлович Чудаков

Сборник памяти

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11641998
Сборник памяти: Знак; Москва; 2013
ISBN 978-5-9551-0664-9

Аннотация

Сборник посвящен памяти Александра Павловича Чудакова (1938–2005) – литературоведа, писателя, более всего известного книгами о Чехове и романом «Ложится мгла на старые ступени» (премия «Русский Букер десятилетия», 2011). После внезапной гибели Александра Павловича осталась его мемуарная проза, дневники, записи разговоров с великими филологами, книга стихов, которую он составил для друзей и близких, – они вошли в первую часть настоящей книги вместе с биографией А. П. Чудакова, написанной М. О. Чудаковой и И. Е. Гитович. Во второй части собраны некрологи А. П. Чудакову, мемуары и статьи его коллег и друзей. Жизнь Александра Павловича и его живой образ отражены в многочисленных фотографических материалах, а также в некоторых его автографах.

Книга подготовлена к 75-летию со дня рождения А. П. Чудакова.

Содержание

Вспоминая Александра Павловича Чудакова	5
Мариэтта Чудакова, Ирина Гитович	7
I	16
Из дневников, записных книжек, писем	16
1978–1979 Из записных книжек	22
Дневник последнего года (1 января – 31 августа 2005)[54]	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Чудаков

Сборник памяти

© М. О. Чудакова, М. А. Чудакова, 2013

© Авторы, 2013

© Знак, 2013

Вспоминая Александра Павловича Чудакова

Это книга памяти незабвенного Александра Павловича Чудакова. Его внезапная гибель уже семь с лишним лет тому назад потрясла тогда читающую не только Москву и не нашу одну Россию, но весь большой гуманитарный мир, и читатели книги увидят, что мы до сих пор не можем с этой гибелью примириться и даже как бы в нее поверить. Саша исчез тогда на самом своем подъеме, на развороте новой научной и писательской жизни. Столько было уже за плечами сделанного и столько лишь начато, к продолжению и развитию чего он полностью был готов. В его тогдашние 67 лет это была не смерть, а именно гибель. Гибель, какая в сознание не уместается. Великолепный филолог, историк литературы только что неожиданно для многих его читателей явился сильным писателем. Но роман естественно вырос из его филологических, научных занятий и интересов, филолог естественно обернулся прозаиком. И вот мы утратили того и другого в один роковой момент. Потеря была научная и литературная – но прежде всего утрата была человеческая. Потому что на наших глазах из нашего мира исчез на редкость свободный внутренне человек, проживший счастливую и красивую жизнь. Это истинно было явление современной нашей русской жизни и нашей культуры – Александр Павлович Чудаков.

Что составило эту памятную книгу? Она открывается биографией, написанной Мариэттой Омаровной Чудаковой совместно с Ириной Евгеньевной Гитович для филфаковского энциклопедического словаря биографий литературоведов, еще не вышедшего в свет. Здесь, в биографии, освещается история семьи Чудаковых, рассказано о том самом деде его, послужившем прототипом центрального героя будущего романа. Речь здесь идет и о многолетнем человеческом и писательском дневнике А. П., ведшемся им почти каждодневно и оставленном нам как одно из его произведений. Из ранних записей в дневнике еще нашего исторического 1956 года мы узнаем о его писательском замысле и можем видеть, насколько издаелека созрел роман. Восемнадцатилетним второкурсником была задумана «История моего современника» и его будущая структура – «используя автобиографический материал, но не давая своего портрета», – и замысел созрел затем для осуществления через сорок лет. Дневник за многие годы огромен, и полное наше знакомство с ним еще впереди; но солидная часть его подготовлена с личными комментариями М. О. Чудаковой и напечатана ею как «приложение» в последнем издании романа А. П., признанного жюри премии Букера лучшим русским романом первого десятилетия XXI века (Ложится мгла на старые ступени. М., 2012. С. 501–636). В настоящей книге эта публикация воспроизводится в расширенном виде. В 1970 году состоялась встреча А. П. с Михаилом Михайловичем Бахтиным, разговоры с которым о Чехове и о своей «Поэтике Чехова» он записал на многих листках, собираясь включить их в книгу мемуаров о своих великих учителях; этот материал («Бахтин о «Поэтике Чехова»») был подготовлен и опубликован М. О. Чудаковой в 13-м выпуске «Тыняновского сборника» (2008. С. 595–603); для настоящей книги текст расширен. В нашем сборнике авторская запись разговора с М. М. Бахтиным о Чехове и о «Поэтике Чехова» сопровождается примечанием, составленным автором этих вступительных заметок. Бахтинские записи дополняют подготовленную сейчас к изданию мемуарную книгу о разговорах А. П. на протяжении многих лет с крупнейшими филологами XX века, ставшими ему научными и личными учителями, – С. М. Бонди, В. В. Виноградовым и В. Б. Шкловским. Наконец – стихи А. П., которые он писал всегда и собрал их в целую книгу – «Веселый волк», осуществив ее домашнее издание в четырех экземплярах, но и после книги он не переставал писать стихи, а в ту же книгу тогда же начал включать и свои стихотворные инскрипты – дарственные надписи друзьям, какие он всегда писал в стихах, превратив их в особый жанр, где чудаковский шутейный юмор единственным образом сочетался с серьезными темами. Избранные стихи

и инскрипты А. П. Чудакова также присутствуют в настоящей книге. Часть их вошла в стихотворный сборник, другие возникали позже отдельно. Публикуются также и записи к подготавливавшемуся филологом-писателем роману; темы литературно-творческие соединяются здесь с волновавшими его темами общественно-политическими.

Слово самого Александра Павловича, таким образом, открывает книгу. Дальше – мемуары о нем его друзей и читателей, слово любви к нему («Память»). Частью этого мемуарного слова были прямые отклики на его гибель, появившиеся в разделе «In memoriam» в журнале «Новое литературное обозрение» (2005, № 75 и 2006, № 77) и в «Тыняновском сборнике», большей же частью это воспоминания-отклики более поздние, датируемые днем уже настоящим. Одна статья – о романе Чудакова Андрея Немзера – еще при жизни автора была написана и напечатана; мы вводим ее сюда же, в посмертное. Саша тогда же ее оценил и написал в своей дарственной Немзеру: «автору самых точных слов об этом сочинении». Жизнь Александра Павловича и живой его образ отражены в многочисленных фотографических материалах, а также в некоторых автографах. Это тоже Саша – его почерк, его живая рука.

Многие из составивших книгу материалов предоставлены для нее М. О. Чудаковой и М. А. Чудаковой, многие, особенно в личной части («Слово Александра Чудакова») сопровождаются личными комментариями Мариэтты Омаровны; ею же в основном подобран вошедший в книгу фотографический материал.

С. Бочаров

Мариэтта Чудакова, Ирина Гитович Биография

Чудаков Александр Павлович (1938, г. Щучинск Кокчетавской области – 2005, Москва). Родился в семье учителей. Его отец, Павел Иванович Чудаков, выпускник истфака МГУ, был родом из Тверской губернии – из села Воскресенского Бежецкого уезда. В 20-е годы вся его семья – родители, пятеро их сыновей и единственная дочь – жила в Москве, на Пироговке. Дед Ч. по отцовской линии, Иван Чудаков, происходивший в далеком прошлом из однодворцев, но росший уже в крестьянской семье, был из артельных тверских мужиков – золотильщиков церковных куполов (в такую артель по понятным причинам набирали только самых честных). Семейная легенда о смерти деда, знакомая Ч. с детства, вошла впоследствии в его роман-идиллию «Ложится мгла на старые ступени»:

Когда взрывали храм – тогда делали это, еще не скрываясь – дед пошёл смотреть. Его уговаривали остаться дома – не послушался. Видел, как в три секунды осел с неба к земле Храм; с Каменного моста была видна как раз та часть большого купола, которую десять лет золотил он. <...>

После взрыва дед слёг, болел, долго не могли определить чем; через год выяснилось – рак. В семье были уверены – *от этого*.

Могил его и его жены в Москве не осталось; обстоятельства этого также описаны в романе-идиллии:

...Антон любил ходить по отцовским местам, о которых слышал столько раз, что, казалось, он уже здесь бывал: по Усачёвке, скверу на Пироговке, вдоль стены Новодевичьего монастыря. На Новодевичьем кладбище были похоронены дед с бабкой по отцовской линии. Но когда перед войной дядья как-то собрались посетить могилы, на их месте они увидели ровную заасфальтированную площадку. В конторе возмущенным сыновьям показали затертый номер «Вечерней Москвы», где в уголке было несколько петитных строчек о реконструкции кладбища, в связи с чем родственников таких-то участков просят в месячный срок и т. д. Но дядьям газета на глаза не попала: Василий Иванович был уже под Магаданом, Иван Иваныч, отовсюду уволенный, обивал пороги в поисках работы, Алексей Иваныч, специалист по горным машинам, уехал от греха подальше куда-то на шахты, а отец Антона – в Казахстан.

Действительно – после ареста (по обвинению в троцкизме) одного из братьев (Василий пробыл в советском концлагере десять лет), вызова на Лубянку другого (Андрея) и увольнения отовсюду третьего – Ивана (не затронут был только четвертый – Владимир, служивший далеко от Москвы), самый младший, будущий отец Ч., в то время – строитель московского метрополитена – принял спасительное решение: уехать как можно дальше от Москвы. Так он оказался в Казахстане; вскоре вместе с молодой женой Евгенией Леонидовной Савицкой осел в городе Щучинске (близ курорта Боровое), где уже находились дед и бабушка Ч. со стороны матери – Леонид Львович Савицкий (из священников, окончивший Виленскую духовную семинарию, но ставший не священником, а учителем гимназии) и Ольга Петровна, урожденная Налочь-Длусская-Скловская.

Хорошо подготовленный дедом, семилетний мальчик пошел сразу во второй класс.

Город был местом ссылок сталинского времени, поэтому уровень преподавания в школе, где среди учителей были доценты ленинградских вузов, оказался достаточно высоким. Мать преподавала химию в его школе, отец – историю в техникуме. Оба учительствовали в своем городе более тридцати лет; полгорода составляли их ученики.

Главное влияние на формирование личности и мировоззрения Ч. в детстве и отрочестве оказал дед (ставший впоследствии прототипом главного героя его романа), авторитет которого был в глазах ребенка незыблем. Ч. рассказывал, что с раннего детства слышал от деда при упоминании имени Сталина одно и то же слово – «Бандит!» – сопровождаемое энергичным взмахом руки. И не посадили деда в те времена лишь потому, что городской сотрудник НКВД был его учеником; поэтому пришел к его зятю (отцу Ч.) с предупреждением – как-то унять старика: «Посадим!».

В пять-шесть лет внук читал деду заголовки свежих газет. Лежа на диване, дед слушал и чаще всего подводил черту одним словом – «Брехня!» Внук читал следующий заголовок, в редких случаях получая приказание: «Читай целиком!» Так было прочитано заключение Специальной комиссии во главе с Бурденко – фальшивка, утверждавшая, что тысячи поляков в Катыни расстреляли немцы во время войны. Дед резюмировал – «Брехня!»; малолетний внук это запомнил. В родительский дом ходили ссыльные; при мальчике велись откровенные политические разговоры – хозяева и гости доверяли друг другу и почему-то были уверены в том, что ребенок понимает – эти разговоры не следует выносить за порог дома. Специфическая атмосфера в городе и семье дала Ч. такое представление об истории своей страны в XX веке, что для него, в отличие от многих ровесников – во всяком случае, москвичей – доклад Хрущева на XX съезде не был поворотным пунктом: о многом он уже знал или догадывался.

В 1954 году Ч. окончил школу с золотой медалью и вместе с двумя одноклассниками – его ближайшими друзьями, тоже медалистами – впервые в жизни поехал в Москву, о которой так много слышал от родителей, покинувших ее поневоле. Успешно пройдя собеседование (в тот год конкурс медалистов был 25 человек на место), он поступил на филологический факультет МГУ (заметим, что оба его друга-одноклассника также поступили с первого захода – без помощи родителей или кого бы то ни было – туда, куда хотели: один на физический факультет МГУ, другой – в геологоразведочный: так учили в школе Щучинска, население которого составляло тогда всего 20 тысяч). Помощь отца понадобилась только когда выяснилось, что успешному абитуриенту – 16 лет: в Московский университет, в отличие от других вузов, принимали тогда с 17-ти лет. Отец приехал в Москву и пошел на прием к ректору Петровскому с просьбой в виде исключения зачислить 16-летнего абитуриента; ректор дал согласие. Ч. был едва ли не самым младшим на курсе. Сегодня немало его одноклассников еще могут подтвердить, что уже на первом курсе он оказался среди лучших – обладателей достаточно широкого культурного кругозора, нетривиально мыслящих.

В первом же семестре Ч. проявил себя отличным спортсменом (первая «десятка» университета по плаванию), но на третьем курсе, когда в неделю оказалось пять тренировок, вынужден был сделать выбор в пользу науки; его тренер, известный многократный чемпион страны по плаванию Мешков, уверял, что он делает ошибку: «Ты прирожденный брассист! Я тебя готовлю на будущий год на Спартакиаду, а через три года – на Олимпиаду!..»

В Москве он в первую очередь бросился в Большой зал Консерватории. Прекрасно знавший классическую музыку (слушая ее по радио в родном городе), он любил и глубоко чувствовал ее. Одна из самых первых записей в его дневнике, начатом на втором курсе, весной 1956 года:

9 марта. Слушал вечером (попал – повезло) 7-ю и 8-ю симфонии Бетховена. Какой оптимизм, какое веселье, какой задор! Третья часть седьмой с ее славянскими мелодиями...

Решение вести дневник получает свою мотивацию (как и все его действия первых московских лет) – в самом дневнике (см. запись от 19 апреля 1956 г.)

Главные его занятия (и главные траты – скудной стипендии и небольших родительских переводов) первых московских лет – Консерватория, МХАТ и букинистические магазины. В прямом смысле слова отказывая себе в еде ради книг и музыки, на третьем курсе Ч. заболел язвой двенадцатиперстной кишки в такой острой форме, что прямо из рентгеновского кабинета университетской поликлиники был увезен в больницу и на четвертом курсе вынужден был взять годичный академический отпуск. (Тогда же он поставил себе задачу – вернуть здоровье и спортивную форму. Через несколько лет, когда слово «моржи» еще не появилось, занялся зимним плаванием и на первых же соревнованиях на Москве – реке занял третье место – следом за профессиональными спортсменами – мастерами спорта.)

Каждый день после лекций Ч. непременно обходит пять магазинов в центре Москвы – собирает главным образом филологическую литературу 1900–1920-х годов (иногда прибавляя к ней – по средствам! – философию и поэзию Серебряного века, еще не имеющего такого названия), рано поняв (каким-то инстинктом), что рекомендуемое на филфаке советское литературоведение к науке имеет отдаленное отношение; к концу пятого курса он досконально освоил труды Тынянова, Шкловского и Эйхенбаума; похвастаться этим в те годы могли не более трех-четырёх его сокурсников.

Характерная дневниковая запись 1958 года:

19 июня. <...> Сегодняшний поход по букинистам был удачен. Но на Кузнецком буквально из-под носа взяли Мандельштама!.. «Огорченья не снесла»...

(Позже вставлен инициал – «И.». Речь шла об изданной в 1902 году книге И. Мандельштама «О характере гоголевского стиля», впоследствии им приобретенной. Купить книги О. Мандельштама – в отличие от книг Гумилева – в букинистических в ту пору было невозможно – М. Ч.)

Главные его силы отданы филологии. Он занимается на кафедре русского языка; начинает печататься (Стиль и язык рассказа Чехова «Ионыч» // Русский язык в школе, 1959, № 1); пишет диплом о стиле Чехова под руководством академика В. В. Виноградова.

Уже в студенческие годы, Ч., не будучи диссидентом (хотя, естественно, диссиденты входили в семейный дружеский круг Чудаковых), столкнулся с давлением советской власти на свою научную жизнь. Студентом 5-го курса он был приглашен на I Международную конференцию по вопросам поэтики, проходившую в августе 1960 года в Варшаве, – она должна была стать настоящим научным событием: изучение поэтики в странах «социалистического лагеря» только возрождалось после ликвидации «формальной школы». Тогда Ч. впервые *не выпустили* за рубеж. С этого времени он стал *невыездным* (разумеется, как это было принято, без объяснения причин). В последние годы жизни в домашних разговорах Ч. вспоминал именно этот первый случай, глубоко его травмировавший: «Если бы я поехал на эту первую конференцию по поэтике, которой был так увлечен, – каким бы толчком могло это стать в моих научных занятиях!..»

В аспирантуру в те годы поступать сразу после Университета было невозможно, несмотря на рекомендацию Ученого совета: Хрущев потребовал, чтобы и рекомендованные в аспирантуру наряду со всеми выпускниками отработали два года прежде, чем начать научные занятия. По распределению А. П. стал преподавать русский язык в только что открытом Университете Дружбы народов – и едва ли не первым стал активно применять лингвистические средства, добиваясь больших успехов; восхищался лингвистической одаренностью студента одной из африканских стран – на новогоднем вечере 1961 года тот читал наизусть стихи Пушкина без единой орфоэпической ошибки...

Спустя год, летом 1962 года, при содействии акад. Виноградова проректор МГУ принял у Ч. документы (до этого безоговорочно отказав в этом) и допустил к экзаменам в аспирантуру; на А. П. произвело неизгладимое впечатление поведение проректора: не смотревший в его сторону при первом визите чиновник после звонка академика вышел к нему из-за стола со словами: «Что же Вы нас совсем забыли?!...».

Под научным руководством В. В. Виноградова была написана кандидатская диссертация Ч. «Эволюция стиля прозы Чехова» (М., 1966).

В 1962 году Ч. познакомился с В. Б. Шкловским и, сразу же возбудив его интерес (прежде всего – как знаток Опояза) и несомненную симпатию, все последующие годы, до последних дней жизни Шкловского, встречался с ним; не боясь преувеличений, можно утверждать, что мемуары Ч. «Спрашиваю Шкловского» (Литературное обозрение, 1990, № 6) – едва ли не лучший очерк личности Шкловского. Впоследствии в его же предисловии к сборнику Шкловского «Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе» (М., 1990) под названием «Два первых десятилетия» дан очерк самого плодотворного периода научного творчества Шкловского.

Серьезным шагом в изучении «формальной школы» стала работа (совместно с Е. А. Тоддесом и М. О. Чудаковой) над обширнейшим комментарием к сборнику статей Тынянова – и изнурительная четырехлетняя борьба за его издание (*Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино.* М., 1977); ему предшествовало издание сборника статей Тынянова «Пушкин и его современники» (М., 1968; комментарии Ч. и А. Л. Гришунина). Работа над историей отечественной филологической науки продолжалась все последующие годы; впоследствии, в 1976–2003, со статьями и комментариями Ч. вышли 4 тома «Избранных работ» В. В. Виноградова.

Ч. занимался и критикой современного литературного процесса; первая большая работа о современной литературе – «Искусство целого: Заметки о современном рассказе» (Новый мир, 1963, № 2; в соавторстве с М. О. Чудаковой, с 1957 г. – его женой).

В 1964 году, приглашенный к участию в начинавшемся академическом издании Чехова, Ч. оставил очную аспирантуру и стал сотрудником ИМЛИ, где проработал до конца дней. Одновременно читал лекции в МГУ, в Педагогическом институте им. Ленина, в Литературном институте, в последние годы – в Школе-студии МХАТ.

Первая книга А. П. Чудакова «Поэтика Чехова» вышла в свет в ноябре 1971 года; в ней, помимо новой концепции чеховского повествования – места в нем точки зрения автора и героя, было развернуто представление о принципиальной неотобранности и неиерархичности деталей у Чехова и введено в научный оборот понятие *случайности* – в противовес многолетней уверенности исследователей, что всякое ружье у Чехова стреляет. В статье видного партийного чиновника (по совместительству чеховеда) Г. Бердникова «О поэтике Чехова и принципах ее исследования» (Вопросы литературы, 1972, № 5, с. 124–141) книга была подвергнута идеологическому разносу (в том же году ее высоко оценил М. М. Бахтин, назвав в беседе с автором «лучшей книгой о Чехове и вообще одной из лучших книг по филологии в последнее время»; книга получила признание мирового чеховедения, в 1983 году была переведена на английский язык). За этим последовал негласный запрет (действовавший в течение десятилетия) на печатание любой строки автора о Чехове в двух главных советских литературоведческих журналах. Условием защиты докторской диссертации в ИМЛИ был отказ автора от своей концепции. Так и не отказавшись, а, напротив, развив ее, Ч. защитил в 1982 году на филологическом факультете МГУ диссертацию «Художественная система Чехова: генетический и психологический аспекты» (один из оппонентов, М. Л. Семанова, рассказала собравшимся после защиты на кафедре русской литературы филфака, как в 1978 году редакция журнала «Русская литература» предложила ей написать обзор чеховианы за последние восемь лет, поставив одно условие – не упоминать книгу

Чудакова. «— Как же я могу ее не упоминать, если это самое яркое явление чеховианы за эти годы?» — возразила М. Л. Ей подтвердили условие. Она отказалась писать обзор)¹.

В 1986 году, через 15 лет после «Поэтики Чехова» вышла продолжающая ее монография Ч. «Мир Чехова. Возникновение и утверждение». Книга была посвящена памяти учителя Ч., академика В. В. Виноградова. По библиографии работ Ч. о Чехове этих пятнадцати лет буквально по шагам просматривается путь к ней исследователя. Как член чеховской группы ИМЛИ, готовившей в те годы первое академическое собрание сочинений и писем Чехова, Ч. много и плодотворно занимался текстологией и научным комментированием томов сочинений Чехова, что придавало его теоретическим построениям дополнительную убедительность и глубину. Для некоторых из томов он написал образцовые предисловия к комментариям. Он напечатал за эти же годы большое количество научных статей и несколько предисловий к массовым изданиям Чехова. И каждая из этих работ приближала создание монографии «Мир Чехова», новаторство которой начиналось с заглавия. Никто до Ч., кажется, не пытался придать этому устойчивому для литературоведения, но достаточно вольно используемому в научных работах словосочетанию статуса научного термина (мир писателя, по определению Ч. — это «оригинальное и неповторимое видение вещей и духовных феноменов, запечатленных словесно» (с. 3)). Никто до Ч. не пытался проследить и самый процесс «возникновения и утверждения» этого мира в свете основного двигателя литературной эволюции — «художественной целесообразности», за которой просматривался исторически обоснованный взгляд исследователя на самый генезис литературы. Работа над «Миром Чехова» продолжала, углубляла и выводила на новый уровень как саму концепцию творчества Чехова, введенную в научный оборот еще «Поэтикой Чехова», так и предложенную исследователем методологию анализа художественного текста. Сам Ч. считал, что с точки зрения хронологии и генезиса творчества Чехова его новая книга должна была бы предварять прежнюю. Однако опасение представить творческий путь писателя как «предупреждение» к чему-то заранее обозначенному, в виде целеустремленной эволюции без боковых и тупиковых ветвей, заставило отказаться от этой эвристически заманчивой мысли.

Он выбрал путь исследования, который его учитель академик Виноградов считал наиболее плодотворным. Если литературное произведение можно изучать в двух аспектах — «функционально-имманентном» (системно-синхроническом) и «ретроспективно-проекционном» (историко-генетическом), то наиболее плодотворным, по Виноградову, является исследование, совмещающее эти подходы в виде последовательных этапов. Но Ч., следуя своему личному переживанию литературы как особой целостности процесса художественного познания, которую он остро чувствовал именно как литератор, должен был пойти дальше и объединить эти два типа исследования, рассматривая их так, как они присутствуют в этом живом процессе. Безукоризненный научный анализ и мощная писательская интуиция стоят во главе угла научного мышления самого Ч. Это ощущается и в его личной стилистике — научной точности изложения с прорывами в стилистику иного, непосредственного переживания литературного процесса, в формулировках, для которых нужен был опыт и дарование литератора. На стыке этих двух стилистических потоков происходит огромная концентрация смыслов чудаковской концепции Чехова. Таковы многие неожиданные «боковые» и столь продуктивные для будущего изучения Чехова идеи Ч., которые он как бы случайно пробрасывает, подчиняясь логике личного ощущения материала исследования, — о чувстве «нормы» прижизненной критики, которая у критиков-современников писателя значительно живее и правильнее, чем у потомков, о поэтичности Чехова на уровне поэтики текста. При этом сам Ч. не просто продуцировал идеи, озаренный собственными прозрениями, но изучал прижизненную критику, как профессиональный библиограф, просмотрев

¹ Дальнейший текст биографии Ч. написан И. Гитович.

все российские газеты чеховского времени (1880–1904). Вопрос об истоках мира Чехова, о факторах, воздействующих на формирование этого художественного мира, мысли о массовой литературе, сформировавшей феномен Чехова, – все это сегодня предстает перед нами как саморазвивающаяся школа научного чеховедения.

В десятистраничном предисловии к «Миру Чехова» Ч., по сути, выстроил общую модель универсального способа описания «мира писателя», его основных составляющих: это – «человек, его вещное окружение – природное и рукотворное, его внутренний мир, его действия» (с. 3). При этом мироописание в этих параметрах предполагает выяснение законов построения содержания, исходя из которых можно было бы сказать, что такое-то явление характерно именно для мира Х.

Еще в «Поэтике» он выдвинул, а в «Мире Чехова» развил и укрепил систему аргументов главной своей идеи, которую считал основополагающей для мира Чехова – идеи *случайности*, восходящей к мировосприятию писателя. Чеховская художественная система, рассматривавшаяся уже при жизни писателя как недостаток его дарования, фиксирующая прежде всего незакономерное, как бы даже необязательное – то есть собственно случайное, расширяла на самом деле тем самым возможности искусства. Ч. показал, что изображенные Чеховым эпизоды, детали, действия людей сопрягаются где-то в другом, «неэвклидовом» пространстве. Чеховские ружья во всех случаях стреляют, но их пули напоминают скорее дальнобойные снаряды, разрывающиеся где-то за линией горизонта, так что до нас доносятся лишь мощный и слитный гул.

При таком расширенном понимании самой художественной целесообразности явление получает право быть изображенным не только в своих существенных чертах, но и в сопутствующих, преходящих, случайных – «тех, что всегда могут возникнуть в живом, нерасчлененном потоке бытия» (с. 364). Изображенный им мир выглядит естественно-хаотично, манифестируя этим сложность мира действительного, о котором нельзя вынести последнего суждения. Индивидуально-случайное в мире Чехова имеет самостоятельную бытийную ценность и равное право на воплощение наряду с остальным – существенным и мелким, вещным и духовным, обыденным и высоким. Ч. таким образом сформулировал особенности уникального, не повторенного после него никем, мышления Чехова-писателя, сближающего его с актуальным для времени научным мышлением, лежащим в основе той новой картины мира, которая складывалась на рубеже веков.

Ч. рассматривает в двух своих книгах и множестве статей о Чехове этого времени процесс возникновения в его творчестве предметного изображения нового типа. Ч. вообще первым обратил внимание на важность исследования *предметного мира* литературы:

Рождение художественного предмета – это объективация представлений художника, это процесс, где мир внутренний сталкивается с проникающим в него внешним, и с момента этого проникновения несет на себе его явные следы. В этом столкновении реально-эмпирическое имеет преимущество – писатель может говорить только на языке данного предметного мира, только так он может быть понят. Поэтому всякий писатель естественным образом социален: любое надвременное и вечное воплощается им в вечном обличье той эпохи, к которой он принадлежит.

Обращение к предметности и случайности чеховского мира совершенно иначе поставило вопрос о смысле обращения Чехова к *повседневности* как форме и философии жизни, что оставалось и до сих пор остается до конца не ясным для многих читателей Чехова. Ч. обращается к истокам новых для литературы сюжетно-композиционных принципов, использованных Чеховым, к вопросу о «внешнем и внутреннем мире», сравнивая фабулу и сюжет у Чехова, он совершенно по-новому ставит на основании этого проблему

героя Чехова как проблему «среднего человека». Наконец, он намечает связь между художественным миром и биографией писателя, открывая пути для создания полноценной биографии Чехова. Каждая из этих тем не просто могла и должна была бы быть развернута в самостоятельную монографию, но содержит огромное количество как бы случайно возникающих, боковых, но необычайно продуктивных для дальнейшего изучения Чехова и чеховской литературной эпохи идей, еще требующих своего исследователя. Ч., по существу, намечает в этой книге и своей чеховиане возможную эволюцию парадигмы научного чеховедения.

В основе методологии Ч. лежит великолепное знание им методов и сути академических школ литературоведения, замечательная интуиция ученого и литератора, доскональное знание предшествующей ему литературы о Чехове, знание биографии и эпохи писателя в фактах и документах. Ч. исходил из того обстоятельства, что самый путь Чехова в литературу (через массовую литературу и мелкую прессу) был уникален для русской литературы. В книге немало блестящих страниц, посвященных анализу этой литературы, читателем и «выдвиженцем» которой был Чехов. Рассматривая это опытное поле писателя, исследователь выдвигает ряд интереснейших гипотез и еще больше дает толчков будущим исследователям. Это был новый тип художественно-философского постижения мира писателя, не только не бегущий быта, вещи, но вместивший их в медитирующее сознание, надстраивающееся над ними. Этими словами открывается возможность новой специальной монографии о Чехове, никем еще не написанной, но смогшей объяснить многое из неразгаданных загадок Чехова и снять с писателя многие претензии – в частности, отсутствие романа в его творчестве, который Чехов так и не смог написать. Очевидно, мы еще только на пороге постижения сути типа чеховского мышления, его генезиса и открываемых им путей возникновения и утверждения подобного сознания в литературе².

В 1987 году в издательстве «Просвещение» вышла биография «Антон Павлович Чехов: Книга для учащихся» (переиздана в 2013 году издательством «Время» с добавлением фотоиллюстраций), где таганрогское детство и отрочество Чехова предстали в необычном свете – в морском, портовом городе, где «в разгар летней навигации парходам и парусникам со всего света было тесно в гавани». В основном подготовил к печати полную аннотированную библиографию прижизненной чеховской критики. Написал несколько мемуаров о старших коллегах – своих учителях: «Слушаю Бонди», «Учусь у Виноградова», «Спрашиваю Шкловского» и др.

Весь русский XIX век был в поле зрения ученого; но главным объектом его внимания наряду с Чеховым был Пушкин; изучая поэтику его прозы, Ч. мечтал также если не создать целиком (понимая неподъемность задачи), то положить методологическое начало тому, что он называл *тотальным комментарием* к «Евгению Онегину».

Необходим скрупулезный учет, прослеживание того, как *рождаются и накапливаются* те художественно-философские и речевые смыслы, которые обеспечили уникальный статус «Евгения Онегина» в истории русского языка, литературы и русской культуры в целом.

Разумеется, исчерпывающий комментарий (если он возможен) может быть выполнен лишь коллективным иждивением лингвистов, историков, географов, флористов, астрономов, архитекторов, специалистов по истории театра и конной запряжки, гастрономии и винам, костюмам и истории оружия, дуэли и фарфора, истории экономических учений и балету, экспертов по российскому землеустроению и кредитно-банковской системе, по коврам, обоям, мебели, гаданьям и отечественной системе воспитания и образования, экспертов по коневодству и истории шахмат.

² Дальнейший текст написан М. Чудаковой.

Комментирование двух строф из «Евгения Онегина» в настоящей статье автор рассматривает лишь как постановку проблемы его *тотального комментария* (К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. М., 2005. С. 212).

С 1987 года (до этого, будучи предполагаемым участником ряда Международных съездов славистов, ни разу не был выпущен за пределы страны, как и ни на один чеховский симпозиум, куда его неизменно приглашали) преподавал в качестве визитинг-профессора в университетах Европы (Гамбург, Кёльн), США (Мичиганском, Университете Южной Калифорнии, Принстонском и др.) и Азии (в Сеуле).

В 2000 году журнал «Знамя» напечатал его роман «Ложится мгла на старые ступени» («одну из самых свободных, благородных и насущно необходимых книг, созданных после освобождения от коммунизма», А. Немзер), принесший автору редкостное внимание и любовь самых широких кругов читателей. В декабре 2011 года жюри Букеровской премии назвало эту книгу «лучшим русским романом десятилетия» (2001–2010).

Глубоко затронутый судьбой своей страны, Ч. постоянно мыслил в масштабах судьбы планеты. С юных лет озабоченный проблемами экологии (тогда, когда этого термина еще не существовало в советском официальном дискурсе), он посвятил этому проникновенные строки в «Поэтике Чехова», подчеркнув, что для Чехова был важен не только абстрактно-духовный идеал человека. Ему важен человек в целом – он сам и тот предметный природный мир, в котором человеку предстоит жить.

Во времена Чехова – и даже много позже – ценность такого идеала не осознавалась, в сравнении с другими он выглядел слишком утилитарным и «земным». <...> Среди немногих проницательных, которые по слабым симптомам поставили диагноз начинающейся тяжелой и, возможно, смертельной болезни, угадали и предвидели судьбу планеты, был Чехов (Поэтика Чехова. М., 1971. С. 267, 269).

В своей повседневной жизни Ч. следил за тем, чтобы он и его семья не увеличивали загрязнение планеты – в бане на выстроенной им даче (в поселке «Московский писатель» в деревне Алёхново Истринского района, недалеко от «чеховского» Бабкина) проложил много слоев фильтра для стока мыльной воды и с плохо скрытым презрением относился к тем соседям по даче, которые спускали продукты своей жизнедеятельности непосредственно в землю: говорил домашним с возмущением – «Ведь все это попадает в грунтовые воды!».

Статья для готовящегося его Институтом сборника о *динамике жанра* как части поэтики русской литературы конца XIX – начала XX века «Ароморфоз русского рассказа (к проблеме малых жанров)» стала его последней работой.

Биологический термин *ароморфоз* – «это усложнение структуры и возможностей организмов в процессе эволюции, открывающие перед ними новые возможности в их взаимоотношениях со внеположенной средой».

В исторической поэтике, пояснял автор, «вводимый термин означает огромное расширение в означенный период горизонтов одного из самых распространенных жанров новейшей литературы – рассказа», открывшее в этом жанре невиданные дотоле перспективы в изображении мира и человека. Ч. вообще предпочитал в гуманитарных науках заимствование терминов из естественных наук – в противоположность так называемым наукам точным. Оправданием введения термина, пояснял он, «служит давняя уже традиция, согласно которой многие важнейшие термины-категории истории и теории литературы имеют биологическое происхождение. Таковы генезис и эволюция, закрепление в развитии литературы случайных результатов (Ю. Тынянов), мутации (Е. Поливанов, В. Виноградов), конвергенция...». В работе Ч. показано, как из прозы конца века осознанно уходит выдумка – под дав-

лением «быта, факта, материала», как «жанровая свобода малой прессы привела к стиранию на рубеже веков жанровых перегородок в сфере «малообъемной» литературы»; в качестве подзаголовков – обозначений жанра в изобилии появились разнообразные свободные обозначения: «случай», «отрывок», «этюд», «миниатюры» <...>.

Поле литературы ждало только землеустроителя и садоводановатора, литературного Мичурина-Бербанка, который окончательно уничтожил бы жанровые межи и, используя в качестве подвоя дички маложурнальной и газетной прессы, привил бы им окультуренный привой художественного «языка» большой литературы». Современная критика обвиняла авторов в «дагерротипичности», «фотографичности» изображаемого, отмечая «необязательность многих вещей, эпизодов, сцен, оказавшихся в их произведениях». В прозу вводятся предметы, почти прямо взятые из эмпирического мира и всегда готовые «вернуться в него обратно, где будут приняты как свои.

Предметы рассказа Чехова внешне схожи с такими вещами, сохраняют их пропорции. Но сходство это мнимо. Центробежным силам этого предметного сообщества противостоят центростремительные, внутренние силы художественной гравитации, чеховского мира, направленные противоположно, приложенные к той же точке и создающие искусственную напряженность. <...> Явился новый синкретический жанр. Влияние его ощущается в литературе до сих пор (Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М., 2009. С. 365–396).

По своему темпераменту он не был борцом, не любил, когда его отвлекали от занятий, чтения, писания, дачных его работ, во время которых ему так отлично думалось, – напишут его коллеги по Институту, – но, человек спокойный, неторопливый, берегущий время и силы для научного творчества, он буквально взвизывался, когда сталкивался с халтурой и наглым невежеством, и тут его легко было подвигнуть на действие, протест. Он мгновенно соглашался «быть заодно», когда речь шла о противодействии научному любительству или культурному варварству. И это качество не раз заставляло Чудакова вступать в настоящую борьбу за осуществление необходимых науке и культуре изданий или сохранение истинных ценностей, будь то биобиблиографический словарь «Русские писатели. 1800–1917» или чеховский флигель в Мелихове (In memoiam. Александр Павлович Чудаков // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века... С. 811–812).

Добавим сюда и успешную борьбу российского общества против печально известного проекта *поворота рек*, в которой он без размышлений принял живое участие.

9 января 2005 года записал: «С тех пор как в моей душе (лет в 12) открылась дверца в литературу и науку – ее уже сможет закрыть только смерть».

После отпевания в церкви Космы и Дамиана (Столешников пер.) похоронен на Востряковском кладбище.

Соч.: Слово – вещь – мир: От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики русских классиков. М., 1992; Ложится мгла на старые ступени. Роман-идиллия. М., 2001; 3 изд., испр. и доп. М., 2012; К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. М., 2005. Дневник последнего года (1 января – 31 августа 2005) // Тыняновский сборник. Вып. 12. М., 2006; Ароморфоз русского рассказа: к проблеме малых жанров // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М., 2009.

Лит.: Немзер А. Памяти Александра Чудакова // Время новостей, 5 окт. 2005 г.; Бочаров С. Синяя птица Александра Чудакова // Филологические сюжеты. М., 2007; М. М. Бахтин о «Поэтике Чехова» // Тыняновский сборник. Вып. 13. М., 2009; In memoiam. Александр Павлович Чудаков // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М., 2009.

I

Слово Александра Чудакова

Из дневников, записных книжек, писем

1956

[А. Чудаков – студент 2 курса филологического факультета МГУ, с успехом прошедший в 1954 году собеседование – при конкурсе 25 медалистов на одно место; ему 18 лет.]³

9 марта. Слушал вечером (попал – повезло) 7-ю и 8-ю симфонии Бетховена. Какой оптимизм, какое веселье, какой задор! Третья часть седьмой с ее славянскими мелодиями... Мне кажется даже, что я слышал какую-то русскую песню, где есть эта, основная для части, мелодия... Какое-то особое, безоблачное настроение, какого никогда не бывает. Велика очищающая сила искусства! Испытываешь какой-то духовный катарсис, душа очищается от пошлости и грязи, стремится в заоблачные выси...

Вечноживущая музыка!

А попал я туда так. Ещё днем узнал, что вечером – Бетховен. Пошёл. У здания – человек 15 таких же гавриков. Билет достать совершенно нет никакой возможности. Но я не терял надежду до конца. Долготерпение было вознаграждено. Уже несколько минут в вестибюле около окна стояла какая-то тётя, с надеждой, тоской и ожиданием глядя в окно. Я почувствовал, что здесь пахнет билетом. Стал делать по залу круги, постепенно сужая их. Наконец я так близко прошёл возле неё, что она не могла меня не заметить. Я умоляюще посмотрел на неё, но ничего не сказал и отошёл вглубь фойе. Она снова отвернулась к окну. Но я уже решился. Бормоча извинения и стараясь придать своему облику робко-наивный вид, спросил тихо: «Нет ли лишнего билетика?» Она ещё раз глянула в окно, секунду о чём-то подумала и вдруг решительно сказала: «Пойдёмте!»

Мы ходили к администратору, чего-то подписывали, о чём-то говорили. Но я уже мало соображал в эту минуту. Через несколько минут я уже сидел в амфитеатре.

[Без даты, та же весна]

История моего современника.

Попробовать написать историю молодого человека нашей эпохи, используя автобиографический материал, но не давая своего портрета.

1. Наивная вера во всё – 8–9 класс, хотя дед и говорил – газеты – [определение газет – явно пейоративное – тщательно зачеркнуто автором], зачем культ личности, жизнь колхозов (его взгляд), вообще.

Он – не консерватор, положительные явления усматривал (народы – равны, промышленность).

Я (будет от «я», может, писать в форме дневника?) спорил с ним, доказывал, *но зерна в душе были.*

³ В квадратных скобках здесь и далее – примечания публикатора. Курсивом передается подчеркнутое в дневнике (даты записей и прочее) самим автором волнистой чертой, курсивом и подчеркиванием – подчеркнутое прямой.

Написать так: нам попало несколько тетрадей из жизни Носорогова [под псевдонимом «А. Носорогов» А. П. Чудаков публиковал статьи в курсовой стенгазете «Молодёжная»] в разные годы – небольшая школьная тетрадка из 5-го класса, из 8-го и 10-го и из университета. Эволюция психологии ребенка. (В ранних тетрадях – ничего о взгляде на мир, только забавные эпизоды, переложенные, рассказанные дедом.) Потом – 7 класс – увлечение чтением и т. д., первые неясные мысли о всём (использовать тетрадку), вклинить кое-какие события международной жизни. Эволюция должна быть заметной, умелой. Язык – в первых – детская простота – Носов, комические эпизоды. Показать, показывать везде, на протяжении всех детских лет, как преломляются в детском сознании *важные* общественно-политические вопросы, пионерская жизнь, комсомол, политика.

Дружба, мысли о друзьях, их детская жестокость, мысли об идеальной дружбе; романтика – шпионы и т. д.

Романтика.

Он всегда был *романтиком*.

Детство – шпаги, мушкетёры, «таинственные знаки», шпионы, непроницаемость, владеть своими чувствами, настроением, расшифровывание разорванных записок, записок зачеркнутых, пережёванных, цифры, моргание глазами по азбуке Морзе (с помощью головы) и т. д.

Цветы.

Отношение к *разным наукам*. О своей воле мысли. Добрые начинания. Герой – не идеал, а обычный мальчик.

Любовь. I тетрадь – нет. II – очень робко, намёком ... 10 кл. – ревность, чистота и т. д.

Когда впервые стал чувствовать *прекрасное*.

Это очень сложный вопрос, и *в этом – вся соль*. (Прочесть все книжки-брошюры об *эстетическом* (ха!) воспитании, дабы не впасть в эту ошибку.) Этот вопрос ещё не разрешён.

В связи с педагогикой – *характеристика провинциальной школы*, учителей, всего с этим связанного.

Школьные товарищи. Городок вообще. Самое главное – как можно компактнее, иначе это растянется на многие страницы. Но не за счет содержания. Вставить свои ранние стихотворения и еще раздобыть ранних стихов.

Спорт, игры, футбол, лыжи.

Все стороны жизни.

Учебный процесс – интересно учиться или нет, как детским сознанием воспринимается *необходимость* и *какова* здесь роль увлекательности т. д.

Детство: «Колыбельная» Моцарта. «Спи, моя радость, усни...».

[Через несколько месяцев автор дневника делает запись – на свободном листе непосредственно вслед за этой.]

19 сентября. Прочел все это. Может быть, действительно, получилось бы у меня. Вообще, мне кажется, я бы мог написать что-нибудь. Ведь должна найти применение моя способность изучать самые разнообразные и, казалось бы, никакого отношения к филологии не имеющие предметы. Я иногда сам удивляюсь – черт знает какой ерунды я только не знаю! Хорошо, что нахватался этого ранее, в школе, читая подряд все журналы и газеты. Не может быть, чтобы все это прошло даром!

Должны пойти на пользу и навыки по самостоятельному изучению эпохи. Не написать ли как-нибудь историческую повесть? О художнике, писателе? Ведь их настряпаны кучи, причём зачастую весьма низкопробных.

А стилистика? Зачатки понимания языка? Ведь сейчас я уже не могу читать что-нибудь, не обращая внимания на стиль, изобразительные средства. Должно же это дать результат и в моем собственном стиле? Посмотрим...

[Вскоре А. Чудаков полностью погрузился в науку. Следы замысла остались лишь в устных рассказах о причудливом быте родного города – однокурснице, которая на 4-м курсе стала его женой (в отличие от героя романа, у него, как и у нее, это был единственный брак). С увлечением слушая эти рассказы, она усиленно призывала его писать. Он, однако, в отличие от нее, постоянно сомневался в своих литературных возможностях. И обратился к юношескому еще замыслу только спустя четверть века.]

19 апреля. Сегодня [после месячного перерыва] решил возобновить писание дневника. Долго думал над целями его. У меня нет потребности «излить свою душу», «довериться единственному другу» и т. д. Нужен он потому, что сейчас я переживаю наиболее интересное время моей жизни, и не оставить в этот период никаких записей – глупо. Это ведь чрезвычайно интересно потом будет узнать, вспомнить, чем жил молодой человек эпохи 50-х годов. Здесь будет все важное, что волнует мой ум и сердце. Хотя это и будет отнимать у меня довольно много драгоценного времени – ну и что ж!

...Вчера появились деньги. Последнюю неделю жизнь вёл поистине собачью – «сшибая» по тройке, по пятёрке у кого только можно... Скверно такое полуголодное существование! Теперь я понимаю, почему пролетарии в интеллектуальном отношении отставали от имущих классов, – когда нечего есть – не очень-то будешь размышлять! Нельзя сказать, чтобы это поглощало всего меня, но всё-таки вещь очень неприятная.

Да и другие живут не лучше.

...Можно было бы рассчитывать каждую копейку, экономить на всём. Но это – не по мне. Я хочу жить нормальной жизнью, хочу выжать из Москвы все, что она может дать. Я хочу ходить в консерваторию, в театры... Но для всего этого денег, разумеется, не хватает... Вот и приходится временами класть зубы на пустые полки нашего шкафа... Но всё-таки я многое успел увидеть и узнать. В два года по зрелищным мероприятиям догнать и перегнать москвичей – нелёгкая задача, но можно сказать, что значительная ее часть мною выполнена.

В МХАТ беру входные билеты по 3 р. Смотрю все «программные вещи». <...>

1958

19 июня. <...> Сегодняшний поход по букинистам был удачен. Но на Кузнецком буквально из под носа взяли Мандельштама!.. «Огорченья не снесла»...

[Позже вставлен инициал – «И.». Речь шла об изданной в 1902 году книге И. Мандельштама «О характере гоголевского стиля», впоследствии приобретенной. Купить книги О. Мандельштама – в отличие от книг Гумилева – в букинистических в ту пору было невозможно.]

4–14 июля. Я дома. Увидел родителей, Наташку... Дед все такой же, в мягкой шляпе и похож на Мичурина. Огород – чудо, из одного корня растет по три вилка капусты. Кукуруза, маки, помидоры. Ни соринки. И в *остальном* он все тот же – старый скептик. Прочел мне статью из «Комсомольской правды» про создание искусственного солнца над городами, про то, что вскоре растопят льды и обогреют тундру. Хохотал до слез:

– Искусственное солнце!.. А?

Читал мне наизусть из Ветхого завета родословную Иисуса и всех святых.

У родителей – каторжный труд. Папа по 14–16 часов в день.

А я здесь на даровых хлебах в Москве... <...>

5 июня. Узнал, что умер *Кажека*, веселый пьяница-стекольщик, старик, которого за последние 30 лет здесь никто не видел трезвым.

1965

16 апреля. Страна отмечает 20-летие окончания войны⁴. Единственный неофициальный юбилей. Ничего не забыто.

Слушал днем (случайно, в вестибюле больницы) «Темную ночь», «Танцевать я давно разучился...» – и понял, что даже я, который был ребенком, помню все. Как же помнят они, кто воевал?

Слушал передачу про 57, которые под командованием лейтенанта Очкина 9 дней защищали обрыв Волги у тракторного завода в Сталинграде. Их осталось 6. Лейтенант Очкин жив. Поклон ему, всем, кто командовал ротами, кто умирал на снегу. Память погибшим.

Мое поколение – последнее, которое будет помнить великую войну. Младшие – уже не помнят. И для них – многое проще. Им кажется, что можно простить и забыть, потому что они не помнят, *как* было, не помнят эшелонов чеченцев в легких черкесках в феврале, немцев Поволжья, военной барахолки, безруких инвалидов, поющих «Раскинулась степь Сталинграда», баб в отрепьях с опухшими от голода ногами, костыли, костыли...

1972

31 января.

23.50. Только что прослушал по телевизору 15-ю симфонию Шостаковича. 1-я часть с соло на флейте до меня не дошла, но 2-я с ее одинокими сольными голосами почти всех инструментов, 3 и 4 – когда только-только убаюкаешься в гармонических звуках – и вдруг обрушивается что-то – прекрасно. <...>.

26 апреля, утро. Л. [здесь и далее – инициал домашнего имени М. Чудаковой] пишет обзор для «Записок Отдела рукописей» по фонду Булгакова и страшно мучается обилием мыслей, посторонних жанру. Сейчас, уходя на работу, сказала мне у двери:

– Мое состояние во время работы над обзором можно определить так: я сижу, тупо смотрю в листы, а сама прислушиваюсь к тому гулу мыслей, который стоит в голове. И все они не имеют никакого отношения к обзору.

– Прекрасно.

– Ужасно.

16 мая. Л. с 29-го апреля по 14 мая пробыла в Доме творчества в Дубултах. Привезла 150 страниц обзора по архиву Булгакова. Не обзор архива, конечно, какие обычно бывают, а некий новый жанр – творческая история + текстология + биографическая канва + поэтика. И когда читаешь, то видишь ясно: автор обзора может всё. Я эти две недели доводил с Пересыпкиной комментарии к 7 тому Куприна.

Вчера было заседание кафедры в МГУ – в числе прочих я докладывал о результатах своего спецкурса и курсовых. По ходу заседания решался вопрос, что делать с аспирантами

⁴ В 1948 году Сталин отменил День Победы как праздничный (выходной) день. В 1965 году День Победы праздновался впервые – спустя 17 лет (пояснение публикатора).

покойного Ломтева. Я сказал Н. С. Поспелову (сидели рядом), что как это ужасно умереть в автомобиле и т. п.

Н. С. – А тут все говорят, что хорошо, сразу. (Смущенно смеется.) Нет, умереть все-таки лучше в своей постели...

И было ясно, что он хотел сказать – к ней надо подготовиться.

Я стал говорить, что атеисту труднее умирать, чем верующему, что для него там пусто и пр.

– Скорее всего... Но самое ужасное, конечно, что в самый последний момент он увидит, что что-то есть – но уже поздно – и вот это страшно.

...Накануне приезда Л. в субботу пошел в магазин – купить что-нибудь из еды. Стоял в одной очереди за ветчиной 30 минут – кончилась; за фаршем в другой 30 минут – тоже кончился; за молоком тоже минут 20. Это день был как символ загубленных часов, дней, месяцев на магазины, очереди, добывание самых простых продуктов питания. И конца нет – только все хуже. Будь проклято всё. Как Л. сказала Паперному [*младшему* – В. Паперному] – Нам цензура не мешает самоосуществиться. [*М. Ч.* добавила: «Мы до нее недобираемся»!] Мешают очереди в магазинах.

11 августа. Гоголя я начал без особых подходов, сразу, дерзко, сразу стал строить систему и пытаться найти конструктивный принцип. Что-то выйдет? Начал – 25 июля. Одно только ясно – хорошо, что не начал раньше на несколько лет – с моей прежней добросовестной робостью.

Каверин, когда я ему сказал о «Волшебном роге Оберона» Катаева и о силе катаевской изобразительности, сказал: – Да, это у него замечательно, великолепно. Мне этого всегда не хватало.

14 августа.

Все-таки у меня в моей филологии есть две-три *совершенно новые* идеи – а этим не все могут похвастаться.

...Бегаю по холмам и просекам – хорошо укрепляет ноги. Вчера добежал до Ильинского (лесом) и там бегал по местным просекам возле каких-то роскошных глухих дач.

Т<амара> В<ладимировна> Иванова рассказывала (7-го), как Н. Ф. Погодин говорил в 30-е годы: – Я нашел верняк. На всю жизнь. И все будет – и слава и деньги.

Ночь на 15 августа. Перечитал роман поэта [«Д. Живаго» – вставлено позже карандашом. – *М. Ч.*] – не перечитывал его десять лет, с первого чтения. Да, теперь я многое знаю и о многом уже годами думал сам – о чем думал и он. И если так действует сейчас, то как было тогда. И – теперь понимаю – роль его в формировании меня теперешнего велика.

Записал ли я что-нибудь тогда? Наверное нет, побоялся. Сколько такого незаписанного осталось.

Одиночество в Ромашкове – я его запомню. Каждое следующее мое одиночество лучше предыдущего. Долго ль еще?..

Сегодня бегал по левой стороне – лес лиственный и не было той строгой красоты, что в сосновом.

...Для того, чтоб так подействовали эти строки, нужно было, чтоб прошли эти десять лет – жизни нашей с Л.

Из писем Тони: «О Юра, Юра, милый, дорогой мой, муж мой, отец детей моих, да что же это такое? Ведь мы больше никогда, никогда не увидимся. Вот я написала эти слова, уясняешь ли ты себе их значение? Понимаешь ли ты, понимаешь ли ты?»

Из прощания с Ларой: «Больше я тебя никогда не увижу, никогда, никогда в жизни, больше никогда не увижу тебя».

16 августа, 22 часа. Только что приехал на велосипеде из Переделкина (рука не пишет), обратно ехал в темноте.

Был у Бахтина. Много он говорил о л/ведении и критике (записывал за ним). [См. «Диалоги с Бахтиным» в данном издании.]

19 августа, суббота. Ромашково. 30-е годы остались – несмотря ни на что – в памяти этого поколения светлыми потому, что было ощущение приобщения каждого к жизни всего государства, к чему-то значительному – неважно, что часто было псевдозначительным. Такого ощущения не было ни до, ни после.

25 августа. Бахтин, пожалуй, все-таки неправ, когда говорил мне, что прямое слово Гоголя повлияло только на гимназистов. Отголоски этого («где моя юность, где моя свежесть») ощущаются и у Тургенева, и у Помяловского, и у Чехова, и у Бунина («Неужели это она качала меня на руках?»). То есть он показал *возможность* такого слова, возможность прямого и смелого его внедрения. [Вписано позже карандашом: Ему об этом сказал – мне это возражение, как и в случае с Гегелем, показалось основательным. Но он ничего не ответил, как и тогда.]

...Сажу, брожу по саду и жду, когда *сами* явятся центральные мысли о гоголевской худ<ожественной> системе. Процесс неконтролируемый и сознанию почти неподвластный. Иногда это как сон – чем больше хочешь заснуть, тем дольше сон не приходит. Но это касается, конечно, особо крупных мыслей общефилософского плана. Средние и мелкие целиком зависят от усилия, от того, насколько сумеешь сконцентрироваться и сосредоточиться.

26-го, ночь. Да нет, ерунда, всегда надо напрягаться, мысль рождается только мучительно, в отбрасывании нелогичного, постороннего, нацеливании – насильственном – на главное. Иногда у меня это получалось.

27-го. Нет, самодвижение все-таки, но – при *предварительных* усилиях.

1973

6 июля, Коктебель. <...> Дважды был у Марии Степановны Волошиной. Второй – сегодня. Навел разговор на Чехова и беззастенчиво записывал.

Она встречала его 14–15-летней девочкой, когда МХТ приезжал в Петербург. <...> Меня не хотели брать на «На дне». Я стала за столом просить Горького:

– Ну ради Христа... Горький так громко:

– Такая дылда и веришь!

– А как же? А мама, а батюшка, все верят?

– Все врут.

Я вскочила и в слезах убежала. За столом зашумели, и помню возмущенный голос Чехова: «Ведь она верит твердо!».

Потом Чехов поднялся за мной наверх и стал гладить меня по голове, по плечам, что-то говорил («Успокойся, все пройдет»), а потом рассказал мне про Каштанку...

1978–1979 Из записных книжек

15/V-78. Всем очевидно, что «Евгения Онегина» восьмиклассникам читать рано. Но что делать? Все-таки читать, ибо стихи – это столько же литература, сколько и язык, а язык надо воспринимать как можно раньше.

«Белеет парус одинокий» – это уже не поэтический образ – это языковой фразеологизм, вошедший в ткань языка, как другие идиомы. Как и басни – ребенок многое не поймет, но усвоит язык.

17/VII-78. Л. Зорин рассказывал, что Шмальгаузен все лысенковское время просидел у себя на даче, нигде не служа. А кто-то говорил, что числился истопником.

* * *

Одни писатели мир только *видят* (В. Катаев, Ю. Олеша). И в *понимании* его и отношении к нему они, пассивно зрительно его воспринимая, почти всегда конформисты (те же Катаев и Олеша). Другие писатели прежде всего постигают его суть (Достоевский), и вещное для них второстепенно. Третьи думают, что постичь суть можно только через вещи (Гоголь), четвертые – что от них, как от ядра на ноге, не избавиться (Чехов). И от каждого нельзя требовать мировосприятия другого!

(О писателях, видящих мир.) К ним, несомненно, относится и Бунин. Ведь вся его философия – смерть, вечность, скарабеи – очень *расхожа*, это скорее *ощущение* этих проблем, чем их философское развитие (как у Толстого, Достоевского, даже у Чехова).

20/VII-78, *Переделкино*.

Шел к мостику в гору – в джинсах, легких дырчатых туфлях – резво (как всегда, когда приходится идти в гору, – так и подмывает на полубег). Навстречу пожилая женщина.

– Скажите, который час?

Я ответил и сначала не понял, что в голосе странного, но потом увидел: на глазах слезы. И она – без всяких предисловий и не стыдясь того, что я пойму, зачем она меня остановила:

– Издалека гляжу – ну точно брат мой Ваня. Он погиб на фронте. Такая же была легкая походка. Весь такой же высокий, громадный. Такие, знаете, ходят – переваливаются. А он – вот так же, легко... Увидела – ну точно он, и – на глазах слезы.

Я [*вставлено позже карандашом*: Антон] пробормотал что-то глупое, что, де, столько лет прошло, и мучительно соображал – что бы сделать ей хорошее? Но так и не сообразил, она махнула рукой и пошла.

5/XI-78. «Моя жизнь состоит из одного монотонного труда, который разнообразится самим же трудом» (Бальзак). И я б хотел. Но только чтоб это был труд, который *я сам* считал бы *настоящим* трудом.

26/XII-78

Если по Spitzer'у искать ключевые словечки у писателей, то у Твардовского это будет – «иной», «иные» (ср. «За далью – даль» в главе про Волгу и других главах).

* * *

5/I-79. Л. сказала, что перечитывание Чехова всегда у нее приводило к двум мыслям: что писать ничего не нужно, ибо такой совершенной прозы все равно не напишешь, и то, что вообще ничего делать не нужно, потому что все равно все бессмысленно.

* * *

В психической разноте отклонений от того отношения к вещам, что современность считает нормой (иногда очень значительном), – залог многих великих побед человеческого разума. И вообще залог разных успехов в более скромных сферах. Два примера. 1) Деяние купца, построившего высотную башню в тайге (это изобразил Вяч. Шишков в «Угрюм-реке»), казалось сумасшедшим. Через много лет это оказалось единственным сооружением на тысячи верст, пригодным для радиостанции. 2) У последней скрипки Страдивари, которую он сделал в 1730 г., в возрасте 92 лет, была странная судьба: она переходила из поколения в поколение с диким завещательным условием: чтобы на ней никто не играл. С этим же условием она была куплена и Юсуповым в середине 19 в. и хранилась у него в особом футляре. Дикости завещания удивлялись не раз.

В 1919 г. скрипка была национализирована. Это была единственная «не постаревшая» скрипка Страдивари – ведь на ней никто не играл. Можно было услышать звук только что сделанного Страдивари. На этой скрипке играют вот уже несколько поколений выдающихся советских музыкантов (я надеюсь, не все время).

21/V-79. Махачкала, г-ца «Ленинград»⁵.

Все растущая отчужденность современного человека от творческой деятельности в предметной сфере (не умеет вбить гвоздя) несомненно оказывает разрушительнейшее воздействие на его духовность, только мы еще не можем осознать и понять, почему происходит это разрушение. Из-за гордыни? (Гордыня – всегда ржавчина и яд). Из-за того, что рушится единение всех людей <...>? Подумать.

27/V-79 Махачкала.

Псы⁶

Сейчас много говорят о диких собаках пригородов... Я видел одну такую собаку вблизи. Я занимался тогда дубовым шелкопрядом и жил уже два месяца в Северном Дагестане в дубовой роще возле Буйнакса. В Киеве мне дали 1 кг. грены – личинок (?) – 130 тыс. штук. Я расселил их по роще и наблюдал не на срезанных ветвях, а на растущих. Жил я в большой 6-местной палатке. (О том, как жук-красотел ел гусениц шелкопряда.)

Однажды я вернулся из своего обхода и сидел на раскладушке. Из-за ящика встала большая собака и медленно направилась к выходу. Я хотел крикнуть, но что-то удержало меня. Собака не оглядываясь, медленно вышла. Это была уже немолодая собака. Я узнал

⁵ М. Чудакова была приглашена Союзом писателей (в котором состояли и она, и А. Чудаков) в Махачкалу с 23 по 28 мая на празднование 70-летия Эффенди Капиева (умершего 34-х лет) – героя ее первой книги, вышедшей в 1970-м году в серии ЖЗЛ. Это был случай показать А. П. Дагестан – родину его тестя; к тому же не хотелось оставлять его в Москве после смерти 1 мая 1979 года его отца, Павла Ивановича Чудакова.

⁶ Позже приписано карандашом: «Сделать отд. рассказ». И ручкой: «Рассказ биолога». А. П. познакомился с замечательным человеком Абакаром Гаджиевым – талантливым садоводом, другом юности Э. Капиева; М. Чудакова была знакома с ним с первой своей поездки в Дагестан на 5-м курсе филфака. Возможно, в основу лег его рассказ.

одну из диких собак стаи, которая жила неподалеку, – по ее редкой масти рыжего цвета. По примятой охапке сена, где она лежала, было видно, что пролежала она в палатке давно.

Продукты мои находились в картонной коробке, даже ничем сверху не закрытой. Она их не тронула. Что ей нужно было у меня в палатке? Зачем она лежала здесь? Значит, она увидела, что никого нет, вошла и легла и долго лежала.

Какая тоска заставила ее покинуть (оставить) стаю хоть на время и погнала ее в палатку человека? О чем думала она это время?

* * *

Про то, как поспорил мой дядя с соседкой и выиграл пса, я кормил его, а потом он сбежал, и поднял на меня ножку, когда я упал (не было ли это где?..).

Про Буяна и мясника⁷.

Косарь (Косьба)

Разбирая архив отца, он обнаружил его тетради, заполненные необыкновенным почерком, там же нашел листок, озаглавленный: Передать Юре (сыну). На коротком листке была только одна запись: «Он прямо попал из своей простой, органической, но действительной жизни в ту отвлеченную сферу, в которую стало русское новобранное общество и русская литература». К. Аксаков.

Получается, что он думал об отце, как пересаженном, а отец – о нем, посмертный диалог, и в результате получается, что рассказ не об отце, а о *сыне*, тут и всё обсуждение славянофильства, и стили ля рюс... Все сюда войдет.

Псы. К названиям книг, стоящих у него на полке.

Я никогда не видел более странных и необычных названий («Сарматизация материальной культуры Боспорского царства»), которые содержали бы столько информации и которые хотелось бы читать: Сарматизация! Значит, там будет про сарматов. Маткультуры! И про это будет – и у сарматов и в Боспорском царстве!

Другие названия были совсем простые – но эти книги хотелось прочесть еще больше. «Сурки и места их обитания». Это была очень толстая книга, и было ясно, что из нее безусловно все можно узнать о сурках и исчерпывающие сведения о местах их обитания. Небольшая книжка называлась кратко и энергично «Верблюдоводство». Это слово так понравилось NN (он <философ> <гуманитарий> преподаватель русского языка), что он потом на уроках все время с удовольствием не к месту его повторял. И потом, уже через несколько месяцев, в поезде, так надоел попутчику, что тот грубовато сказал: – Что ты тычешь меня своим верблюдоводством? – и добавил еще одно крепкое слово.

Хозяин, заметив, что NN держит эту книгу, сказал грустно:

– Серьезная проблема.

NN, привыкнув из общения с Иннокентием, что со всеми животными плохо и становится все хуже, почему-то надеялся, что хоть с верблюдами все в порядке. Ведь вряд ли их кто-нибудь уничтожает, отстреливает, отлавливает, травит дустом, уничтожает их пастбища – ведь им и пастбищ-то никаких не нужно! – охотится за шкурой или горбами... Вон и книжку выпустили – значит, разводят... Но оказалось, что ничего подобного. Над верблюдами нависла смертельная угроза. И только в Австралии...

24/VII-79. Судьба

Я был связан с ними странным образом. Т. е. я не был связан, но стал их судьбой, не будучи им особенно близок, ни...

⁷ Приписано карандашом.

Началось с того, что я их и свел снова после разлуки, когда у них уже были дети, они пришли ко мне по отдельности – а потом уже вместе. А потом Люда не встретила со своим мужем на Ленинском проспекте, т. к. опаздывала на мой доклад в Ист. Музее, и он попал под автомобиль. И т. д.

14/I-81. Роман, пожалуй, единственный *честный* жанр, где автор говорит до конца то, что *может* сказать. Рассказ – по сути дела, если не жульничество, то фокус: мелодика, намек, деталь, оборванность, недоказанность намекают на то, что автор не сказал, потому что, скорее всего, и не знал!

24/VI-83.

«Псы»

Эколог (или другой персонаж, болезненно переживающий всё, непрерывно говорящий о гибели природы):

– Дождевой лес гибнет!

– Какой?

– Это термин. Влажно-тропический. К концу века он исчезнет! Сейчас его – 1 млрд. га! А в год он сокращается на территорию, равную половине Англии!

– Откуда у тебя такие сведения?

– Неважно. В «Нэшнл джиографик» опубликовано. Уничтожить это чудо! Эту главную кладовую генетического фонда планеты! Ты знаешь, что такое парниковый эффект?

– Когда в одном месте тепло, а в других холодно.

– Да. Леса не будет, некому будет поглощать углекислоту от сжигания огромных количеств угля и нефти, углекислый газ накопится и накроет землю, как шапкой. Климат потеплеет, растают ледники Антарктиды, уровень мирового океана поднимется на 50–100 метров. Ты представляешь, что это – сто метров? Голландии – не будет!

Юга Франции – не будет! Только волны, волны...

– Ты какой-то библейский потоп рисуешь. Еще про Арарат и Ноев ковчег расскажи.

– Да! Люди скучатся на возвышенностях. Равнины затопит. Начнется борьба за жизненное пространство. Война всех против всех.

– Каменный век...

– Хуже! Тогда одно племя воевало с соседним, а в каждом было тысячи 3–4 народу. Этот же будет битва миллионов с применением самого совершенного современного оружия.

– Как-то странно. Мировая история изменится из-за какого-то дождливого, пардон, дождевого леса. Какой-то дремучий биологизм, без грана социальности.

– Хватит социальности! Из-за нее погубили Землю, и спохватились только в конце...

и т. п.

1985 Из дневника

29 января. И вот опять чеховский юбилей, 125-летний. Увижу ли следующий?

Отчетливо помню, как в 1960 г. 22-летний, бродил я по зимней Москве и с каждой газетной витрины смотрело лицо Чехова! И это волновало до слез. Тогда я впервые начал чуть-чуть понимать, что такое Чехов, думал о нем, писал о нем первое большое – дипломное – сочинение. И вот прошло 25 лет, и я тоже думаю о нем и пишу, уже много написав всего до этого, – еще одну книгу.

Насколько в *физическом* времени он был тогда ближе. Только что умерла Книппер, и я был на похоронах; в Чеховском музее Соболевский рассказывал о встречах с *молодым* Чеховым, немало было в живых тех, кто знал его в 900-е годы.

25 лет отдано. И вижу, что это мало, мало. И что 50, если повезет, тоже будет мало. Но это справедливо: разве один человек, даже отдав жизнь, может исчерпать гения?..

В этот юбилей с витрин Чехов не смотрит, портреты не на первых страницах, а – маленькие – на разворотах. А сами газеты – через 25 лет! – гораздо больше, чем газеты 1960-го года, похожи на газеты моего детства – 48–49 гг. Все тот же знакомый дядя Сэм в полосатых брюках. Вот он шествует вниз по лестнице, составленной из слов «спад», хотя все знают, что прошедший год – год самого высокого у них подъема экономики.

Сегодня вечером иду в новое здание МХАТ на торжественный вечер по поводу юбилея.

30 января. На вчерашнем вечере в МХАТе в президиуме в первом ряду С. Михалков, Анатолий Иванов (!), во втором – Верченко, Бердников, Ан. Иванов – свежий кавалер! – пришел приветствовать Чехова. Бердников читал с пафосом из «В овраге»: «Оба толстые, сытые, и казалось, что они уже до такой степени пропитались неправдой, что даже кожа у них на лице была какая-то особенная, мошенническая»⁸. С. Михалков <...> Потом – замминистра культуры, потом – Царев, порадовавший своим поставленным голосом, потом бедолага-сталеваар из Таганрога, которого заставили читать кем-то написанную речь, с чем он плохо справлялся.

В концерте показали: 1 д. «Иванова» <...>, сцену из «В. сада» <...>, сцену из «Трех сестер» <...>.

Все необычайно плохо. Все играют роли не по возрасту. <...> Все пьесы выглядят одинаково, все скучно, плоско, бледно. То же самое было и с вокальными номерами. Единственное светлое пятно – С. Юрский, читавший чеховскую «Клевету» – очень смешно.

25 лет назад меня никто не знал, тут – ползала знакомых, подходят, здороваются⁹, но даже это почему-то было противно, как и все остальное.

29-го с Л. пообедали в ресторане ЦДЛ, потом подсел Семанов. Поговорили о масонах и проч.¹⁰

Сегодня весь день пытаюсь переделать статью для институтского труда «Русская литература и литература народов России». – им опять не подошла. Сколько крови она мне стоила. Каждый раз, принимаясь за нее, делаюсь болен. Не могу же я написать о «реализме Чехова» и о том, что «Победоносцев над Россией простер свиные крыла», – а им нужно именно это. Должен заниматься этим вместо доработки книги. <...>

31 января. Работа последние месяцы плохо идет еще потому, что умер Шкловский¹¹. Нет дня, чтобы он не вспомнился. Виноградов часто снится – недоговорил с ним, а со Шкловским говорил много, не снится совсем, но наяву постоянно перед глазами – мучительно живой. Ах, Виктор Борисыч, как он верил, что доживет до 100 лет, как этого хотел.

Днем. Жучка лежит, прикрыв морду своими черными лапами – как человек.

В бумажных старых завалах нашел запись: «7/1 – 72 г. «Поэтику Чехова» я писал, спутав себя ремнями, I-ю часть – водя только кистью руки, II-ю – от локтя. Новую книгу надо

⁸ Оргсекретарь Союза писателей (т. е. надзирающий за писателями по заданию партии) Ю. Верченко, как и заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Г. Бердников, ставший затем директором ИМЛИ (в аспирантские годы – гонитель «космополитов» в Ленинграде, задавший на собрании вопрос академику В. М. Жирмунскому: «Можете Вы назвать хоть одну свою книгу, которая была бы полезна народу?»), вполне соответствовали своей внешностью чеховскому описанию; Бердников имел прозвище «Кабан». Будучи могущественным функционером, по совместительству чеховедом, он напечатал в 1972-м году разгромную статью о первой книге А. П. «Поэтика Чехова» (1971).

⁹ К.: «Поздравляю Чудакова с юбилеем!» (прим. А. Ч.).

¹⁰ Подразумевалась неизменная для С. Н. Семанова антисемитская тема, пресечь которую в публичном месте можно было только средствами, неорганичными для А. П.

¹¹ В. Б. Шкловский скончался 5 декабря 1984 г. А. Ч. до последних дней навещал его в больнице.

писать от плеча, распоясавшись, свободно». Вложил листок в зеленую папку с документацией по книге «Чехов. Утверждение худ. мира» – для перечитывания.

8 февраля. Вчера ездил в Ленинскую б-ку <...>. Разговор с зав. подсобной библиотекой НЧЗ № 3, Над. Георгиевной.

– У вас раньше была витрина с новыми журналами... <Хотел посмотреть 1-е номера с материалами о Чехове>.

– Да, теперь нет.

– А в чем дело? Почему? Для удобства читателей?

– А посмотрите вон ту витрину, и вам все станет ясно.

Я посмотрел другой стеклянный стенд, через проход. Там выступления Зимянина¹² и др.

– Вы знаете, я не понимаю, какая тут связь. Сделали ту витрину, если кому-то это очень нужно, но зачем упразднить эту?

– Но витрина-то одна.

– В физическом смысле?

– Именно в физическом (печально улыбается). Мы уже год боремся, чтоб дали еще одну. Не получается. Я знаю, вы старый читатель, я вас помню давно. Вот и напишите выше, в дирекцию...

Я живо представил себе, как Кондрашев¹³ читает заявление, подписанное столь хорошо знакомой ему фамилией. <...>

Вечер. Вдруг показалось нестрашно умереть (показались подозрительными некоторые симптомы). Выказано 2–3 идеи, которые останутся в литературоведении. Конечно, хорошо бы их развить и придумать что-нибудь еще. Но и так ладно. Все надоело. И впереди все то же – ничего нового.

19 февраля. Какие белые снега! Стою, смотрю, смотрю. (Написал стихи)¹⁴.

В 1987 году А. Ч. перепечатал свои стихи и переплел, озаглавив «Веселый волк» и надписав на обороте титула: «Сборник отпечатан в количестве 4-х нумерованных экземпляров: № 1 – М. О. Чудаковой, № 2 – М. А. Чудаковой, № 3 – автора, № 4 – ничей». Тексты стихов здесь и далее – по этому сборнику; сборник целиком воспроизведен в этом издании.

27 февраля. Вдруг пришла в голову простая мысль: все мои идеи о предметном мире, экологии, современном человеке и вещеустройстве мира и не могут вместиться в традиционные жанры статей или даже книги (о чем я тоже думал). Об этом надо писать прозу!

2 марта. Слушал по радио какой-то спектакль о Суворове (ленинградское радио) со слезами на глазах – стар стал.

11 марта, понедельник, 12 часов дня. Хотел было в 11 узнать, что дают в ежедневной программе «Театр у микрофона», но – печальная музыка. Позже – тоже. Все программы отменены.

Ясно, что́ это значит. Занятия не идут, пошел на лыжах. «Россия, неужели снова...»¹⁵

¹² М. В. Зимянин был секретарем ЦК КПСС.

¹³ Н. С. Карташов; А. Ч. никак не мог запомнить фамилию ничем не замечательного директора Библиотеки, летом 1984 года уволившего М. Чудакову из вверенного ему заведения (где она работала с 1965 года) как не прошедшую по конкурсу на Ученом совете.

¹⁴ Какие белые снега, Какие мощные сугробы, Как опушило берега! И в сердце нет тоски и злобы. И в этой чистой тишине Россия заново родилась – Иль это только в снежном сне На миг почудилось, помстилось?..

¹⁵ Воспоминание о стихах Н. Коржавина, написанных в марте 1953 года, где были строки: «Моя страна! Неужто

13 марта. Тогда, 11-го, о смерти Черненко объявили в 2 часа дня. Сегодня смотрел по телевизору похороны, слышал впервые М. С. Горбачева.

Вчера <...> Л.: «– Ты очень бодр». Я: «– Как всегда, во время исторических переломов». Надежды, надежды.

21 апреля. <...> Болен; постоянные сильные боли в желудке; сразу всплыли все знакомые ощущения прежних лет – и безразличие ко всему, и мысли о тщете. Но столь же привычно их преодолеваю¹⁶.

21 мая. Добавляю в книгу все новое и новое. Этак еще бы месяца с три повозиться, хорошая бы вышла книга.

Узнал недавно (случайно), что без моего ведома изменили заглавие. Ну разве можно было предположить – после утверждения, плана и проч.? Нет, никогда не привыкнуть к их бандитским привычкам, никогда.

22 мая. Вдруг стал писать конец рассказа «Разговоры с собакой», где собака умирает, и почти заплакал от жалости.

29 мая. <...> Вчера ходил к П. В. Палиевскому¹⁷ по поводу того, что меня не пускают на международную чеховскую конференцию в Баденвейлер.

– Сквозь директора вам не пробиться, – сказал он. И стал утешать, что «ни один пост не вечен» и что меня «и так знают в Европе». Умолчал, что сам включил в список <...> Сахарова, автора одной плохонькой статьи о Чехове и Тургеневе¹⁸.

8 июня. Снилось, что я разговариваю с Александром Веселовским после его лекции.

– Алексей Николаевич...

– Александр.

– Простите, я оговорился...

Я страшно смущен и не знаю, как мог оговориться – ведь Алексея Ник-ча Веселовского¹⁹ я почти и не читал, а уже более двадцати лет размышляю об Александре Веселовском!

– Я хочу предложить Вам посмотреть очень интересный глаголический памятник. Вы разбираете глаголицу?

– Конечно.

Видя, что я слегка обижен, А. Н. говорит: – Я ведь не знаю, как теперь на филологическом факультете учат. Т. е. он явился из *того* времени!

21 авг. Сдал «Мир Чехова» в корректорскую <...>. Нескоро чеховедение выберется из-под этой книги – полемика на ближайшее десятилетие обеспечена <...>.

бестолково Прошла, пропала вся твоя борьба? В тяжелом, мутном взгляде Маленкова Неужто нынче вся твоя судьба?», всегда глубоко задевавшие А. П.; он помнил авторские чтения, где был вариант: «Россия – мать! Неужто...»

¹⁶ В 19 лет, на втором семестре 3-го курса, А. Ч. заболел язвой двенадцатиперстной кишки в очень острой, так называемой «юношеской», форме. В течение нескольких лет он упорно лечился, не желая стать хроником, и так же упорно занимался наукой. Удалось вылечиться; но непрерывное нервное напряжение, связанное с отстаиванием своих научных текстов в не деформированном всеми способами цензурного воздействия (от института до издательства) виде, нередко вызывало обострения.

¹⁷ Заместителю директора ИМЛИ Бердникова.

¹⁸ Устроители конференции дали институту 8 мест – на усмотрение дирекции, оговорив персонально лишь одного Чудакова, на приезде которого настаивали; поехали все восемь, кроме А. Ч. Его *ни разу* не выпустили ни на одну конференцию – вплоть до пика Перестройки.

¹⁹ Брат Александра Веселовского, ученый несравнимо меньшего масштаба.

25 авг. <...> Недавно снова снился ВВ – сидим за нашим длинным столом²⁰, ласково треплет меня по плечу – чего никогда не делал. Посвящаю ему «Мир Чехова».

31 августа. Не знаю, что чувствуют авторы, закончившие большую, но описательную книгу, но завершить книгу-концепцию, где задача – каждую клеточку этой концепцией пропитать, пронизать, – это чувствовать усталость и опустошенность полные.

Не хочется ехать в Эссентуки, хочется плавать...

4 сентября. 2 сент. прилетел в Эссентуки, в санаторий «Аврора». Удалось получить отдельный номер.

Итак, через 27 лет я вновь в этих местах, гораздо более здоровый, чем тогда.

14 сентября. Брожу по Эссентукам, бегаю за городом по степи, как в Казахстане, Коктебеле, Прибалтике, Малеевке. За столом сидит старый чекист, служивший еще при Дзержинском и Менжинском. Говоря о религии, даже заикается и дрожит от возмущенья, ему 81 год – но ничто в нем не изменилось. <...>

Хожу в павильон механотерапии, изобретение великого Цандера, закупленный целиком на Нижегородской ярмарке в 1902 году и так с тех пор и остающийся единственным в стране. В очереди рассуждают о политике. Один особенно разорвался:

– Ведь как начинала Америка? А мы? Мы начинали с нуля! Я не выдержал:

– То-то с этого нуля вы лечитесь в павильоне, построенном в 1902 г., и грязелечебнице, построенной в 15-м! Как было, так и осталось.

Не нашелся, что ответить.

Был на концерте кисловодского симфонического оркестра: Григ, Россини, Моцарт (соль-минорная). В концерте Грига раза два, кажется, не совсем вовремя вступали духовые, но в целом ничего. В зале, рассчитанном на 1500 мест, сидело едва 40–50 человек, несмотря на то, что концерт был бесплатный²¹.

24 сент. <...> Был у Н. В. Капиевой, которую не видел 27 лет²².

Плаваю в бассейне – 25-метровый, как в МГУ. Впервые показалось, что в брассе потерял скорость. В открытых водоемах этого почему-то не казалось.

2 октября. Вернулся из Эссентуков в Москву.

13 октября. Опять занимался «Миром Чехова» – снимал вопросы с корректором. Сдал – кажется, окончательно. Завтра лечу в Петропавловск-Камчатский.

5 ноября. Сегодня было заседание группы по исторической поэтике, выступал Сережа Аверинцев <...>. Потом мы с Сережей поехали в Лавку писателей, куда он пошел в первый раз, т. к. его недавно приняли в Союз писателей, и я его вводил в курс дела.

²⁰ На кафедре русского языка филфака.

²¹ Через много лет Замшели камни, и у льва Крошатся лапы. Еще свиреп Оскал зубов, но уж не так, Не с тою мощию змеюК граниту он когтисто прижимает. И трещина времен прошла Чрез шею, грудь и сердце властелина. И мудрый Эскулап Все так же держит чашу, В которую змия точит целебный яд. Но уж и он устал, и посох его треснул, И время Вернее каменных троп Подошвы у сандалий изъязвило, И Гигея Забыла руку на сосуде Движеньем утомленным женским. Но ты – но ты все та же. Все так же голос твой смеется в телефоне И вижу: стройно ты стоишь В кабинке душевной, Движеньем легким и знакомым Подносишь трубку И говоришь Со мною. 14.9.85 Эссентуки.

²² Будучи летом и ранней осенью 1958 года с А. П. в Эссентуках, М. Чудакова ездила в Пятигорск – работать в домашнем архиве Эффенди Капиева, по творчеству которого решила писать диплом; ее приветливо принимала вдова писателя, незаурядная Наталья Владимировна Капиева, с которой тогда же познакомился и А. П.

По дороге рассказывал мне о своем путешествии в Грецию в 1980 г., как на о. Патмос не нашлось места в отеле и он до утра просидел на берегу моря.

– Но ночь была теплая... Греческая летняя ночь. Я рассказал про Камчатку.

– А у меня страх перед Востоком. Начиная с восточной окраины Москвы, где я никогда не снимал дач. И холод на меня действует тоже очень плохо – даже в Риме мне показалось холодно. А на вас?

Я бы не стал ему говорить, но на прямой вопрос сказал, что скорей хорошо и что не далее как сегодня утром я купался в канале. Никогда, пожалуй, не видел я у Сережи такого остолбенелого лица сначала и болезненно-гримасного сразу вслед затем – видимо, он представил, что его заталкивают в эту погоду в воду.

Про Камчатку сказал, что он тоже хотел бы увидеть океан, но другой – Атлантический, «мой». Я сказал, что хотел бы побывать у Геркулесовых столбов, он сочувственно кивал.

9 ноября. Был в гостях (вчера) у Юрки Лейки – впервые в его квартире в Строгино. Ковры, дорогие стенки, паркет и проч. – теперь, кажется, понял выражение его лица при виде нашей квартиры: по сравнению с его – просто сарай. <...> Старшая его сестра Галя (40 или 41 г.) – пьет, у нее 7 детей, двое – ненормальные; Сашка – брат (48 г. рожд.) – тоже пьяница, и жена его пьяница. Единственная удачная сестра – Света (кажется, ей 31 год) – живет в Вороновке возле Джамантуса, держат с мужем 2-х коров, телят, 4 свиней, 50 уток (а было 100), кур вообще не считают. «Пашут с утра до вечера, как нам не снилось...».

17 ноября. На отчетно-выборном собрании в ЦДЛ <...>. О. Чухонцев рассказал, что про меня говорили в передаче Би-би-си о конгрессе в Баденвейлере, куда меня не пустили: как я у них популярен, как они изучают мою книгу и проч. и как жаль и т. п.

18 ноября. Прочел верстку своей статьи «Предметный мир литературы». Уже в самом подробном своем варианте (ок. 90 стр.) это был почти конспект, во втором – 65 стр. – еще уконспектился, а нынешнем третьем – 50–53 – это вообще *конспект конспекта*. Надо печатать полный – и расширенный вариант. А то как бы не повторить судьбы учителей – Тынянова, давшего конспект (в сущности, тезисы) своей теории в 2-х статьях, и Виноградова, собиравшегося написать книгу о сказе, а оставившего статью объемом в печатный лист.

23 ноября. <...> 22-го в полном составе ходили к Зое смотреть выступление Горбачева на пресс-конференции в Женеве²³.

8 декабря. <...> Пишу биографию Чехова. Очень стесняет объем – всего десять листов.

1986

8 января. Сегодня отвез книгу²⁴ в «Просвещение». <...> Бердников опять не дает житья – придрался на этот раз к запланированной моей статье в «Историческую поэтику» про предметный мир. Не нравится слово и проблема! Опять заниматься контрабандно. Скоро всем я буду заниматься тайно и контрабандно.

²³ В семье Чудаковых в советское время никогда не было телевизора – он не был им нужен; в первые «горбачевские» годы ходили иногда посмотреть политический сюжет к Зое Шитовой, доброжелательной соседке; телевизор купили летом 1987 года, когда удостоверились, что в стране уже идет настоящая политическая жизнь.

²⁴ Биографию Чехова для учащихся.

7 февраля. <...> Читаю верстку «Мира Чехова». Густо, слишком густо написано, даже сам читаю медленно – будет непривычно для нынешнего читателя.

25 февраля. <...> слушал речь Горбачева на 27-м съезде – ту часть, где он говорит о преимуществах социалистического способа хозяйствования над капиталистическим.

13 апреля. Итак, получается, что в ближайшие 3–4 года надо написать:

1. Книгу о В. В. Виноградове. <...>
6. Заметки дилетанта в «Новый мир».
7. Прозу – «Псы», «СмД»²⁵.

30 июня. Был на своем участке, ночевал в палатке с Юрой Владиславским – будущим строителем моей дачи. Окончательно договорился, задаток внесен, пути назад нет, строю!

Сегодня встал в 5 утра – надо и наукой заняться, не все же пни корчевать да из болотной жижи гнилые пни таскать! <...>

6 августа. Весь июль – в тяжелой работе в газетном зале; в день просматриваю 15–20 газетных подшивков. <...>

Вышла моя статья «Предметный мир литературы» в сб. «Историческая поэтика». Ну и что? Кто заметит, что это совсем новое?

Л. в Дубултах. Дачу мне строят медленно; езжу туда каждую неделю, разобрал завал бревен и веток, обрубил сучья. <...>

11 августа. 9–10 был у Вята – в его деревенском доме во Владимирской обл. Кольчугинского р-на. Настоящий деревенский – купили у кого-то из местных в деревне, из которой коренные жители почти все разбежались. Русская печь, низенькие притолоки, старые стулья, сеновал, сарай. Все, как в нашем детстве, – тех, кто приехал к Вяту на 50-летний юбилей: Жинов, Крючков, Лейко, я. Приехали на машинах. Пили, пели – больше всего мы с Жиновым. Косили – тоже мы с Жиновым. Читали свои стихотворные поздравления – тоже мы с Жиновым. Он оказался мне ближе по духу и пониманию поэзии, чем друзья-мушкетеры Лейко и Пономарев. Отдохнул душою от своего одиночества последних недель.

27 августа. <...> Квартира без Л. пуста; вообще тоскливо что-то. И давно.

24 сентября. Вот и лето прошло. Захотел стать собственником. Где он, дом?

30 октября. Таганрог. Только здесь, в гостинице «Таганрог» нашел полчаса, чтоб записать кое-что. <...> Во вторник 28-го ездили с Янисом на Истру, крыли олифой дачу. Выяснил, что сумма расходов превышает предполагаемую на 800–900 руб. Где взять такую сумму?

Приехав, узнал, что пришла верстка книги о Чехове в «Просвещении». Во вторник же читал до 4-х ночи, потом – с 7.30 утра, потом в метро, потом в институте, где оформлял командировку, потом туда приехала Л. и повезла верстку в «Просвещение». В ту же ночь, с 28 на 29-е, читал еще верстку к статьям в сб-ке Эйхенбаума. «Не находите ли Вы, Женя, что что-то густовата нынешняя осень»²⁶. – «Да, густо».

30-го в 12.00 зашел в вагон и свалился на полку, проспав часов до 6 вечера.

²⁵ Так обозначал А. Ч. в своих записях первоначальное название романа – «Смерть деда».

²⁶ Женя – здесь и далее Е. А. Тоддес, наш с А. П. соавтор по подготовке изданий Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума и др.

В Таганроге сегодня был в музее, смотрел новую экспозицию.

Чехов, Чехов. Быть может, я смогу когда-нибудь сказать перед его тенью, перед его духом: я сделал для Тебя все, что было в моих силах.

20 ноября.

По радио: «...достичь 5000 л. молока в год от каждой коровы...» Как знакомо! Это же я слышал в детстве, в юности... Шли годы – двадцать, тридцать, сорок – а все еще собираются надаивать те же пять тысяч...

7 декабря. <...> Слова Вс. Рождественского: «Никого не обижающий ум». Слово найдено!.. Далеко – ох далеко! – не про всех, с кем так тесно я общался в последние три недели, можно это сказать.

Щенков (9) раздали и продали на Химкинском рынке – по 3 р. Точный расчет: если хозяин отдает даром – товар бросовый; 5 р. – уже много; 3 же – не деньги. Первую партию Маня продала за 25 минут.

Оставили одного серого в яблоках по имени Буцефал; сейчас сидит у меня на коленях и пытается грызть диссертацию Н. К. Бонецкой об образе автора.

На диване сопит Жука, на коленях теплый Буцефал, думаю о теории; и мир впервые за последние месяцы снизошел на душу, замороченную кому-то, может, и нужной, но не мне – суетой конференций, ученых советов, заседаний.

11 декабря. О, как беспощадно прав Чехов: в жизни нет никаких событий, все идет как идет, и не события движут ее, а что-то другое, неуловимое. Как я хотел напечатать «Предметный мир литературы» – и не надеялся (где?), и мечтал. Но вот работа вышла – и что же? <...> 12 лет (а с выхода его рецензии – 15) мне портит жизнь Бердников, но, боюсь, когда он уйдет, это тоже не окажется событием, а вольется в общее мелькание дней.

28 декабря, воскресенье. Лыжи, снег, лес – и на душе нет «тоски и злобы». Почему я об этом забываю и не прибегаю к этому целительному средству?..

20 лет тому назад умер дед, человек, которому я более всего обязан своим миропониманием.

<...>

30 декабря. <...> Занятия не движутся. Веду жизнь писателя: люблю природу, читаю и пишу стихи, размышляю, делаю заметки в записной книжке...

31 декабря. <...> Последние события²⁷ вселяют надежды, впервые после 68 года. Целое поколение, возросшее в застойное брежневское время, возмужало с отсутствием каких-либо надежд. Да и наше... Неужто и на наш закат печальный – неужто еще будет что-нибудь вроде 60-х годов?..

1987 Из записной книжки

21/I-87

Когда приходит тебе в голову мысль, которая кажется тебе новой, если не забьется твое сердце и не окатит тебя горячей волной, – значит ты не ученый и брось заниматься этим.

²⁷ Возвращение академика Сахарова из ссылки в Горьком.

* * *

Несмотря ни на что по теме «30-е годы» основной историей нашего государства, канвой этой истории, ее внешностью, образным рисунком, тем, что входит в учебники, останется та история, которая запечатлена в газетах, фильмах «Веселые ребята» и «Волга-Волга», песнях Дунаевского, Утесова, Шульженко, хроникальных кадрах Горького на трибуне I съезда писателей, встречи Чкалова и челюскинцев. А о лагерях, замученных и расстрелянных миллионах будет несколько абзацев – подобно тому, как историю Египта мы знаем по истории царей, а про безвестных строителей пирамид знаем только одно: они были, они мучались и гибли, ими построили. Такова сила архитектурного, визуального памятника, документа, запечатленного сиюминутного события. И даже сила фальшивого фильма, сделанного талантливым приспособленцем. В конечном счете остается только оно, а все реконструированное, извлеченное из забвения, воссозданное постфактум – все это, войдя в историю, никогда не станет ее доминантой – событийной, картинно-образной, музыкальной. Особенно это касается *искусства*.

Речь не о том, что Дунаевский – Александров – Орлова остались в сознании современников и трех-четырёх последующих поколений как образ эпохи потому, что их вбивали, а другого не было, – а о том, что и у тех, у кого рядом есть другое знание, все равно в качестве почти подсознательной доминанты существует вот эта, образованная, созданная фильмами и музыкой.

Из дневника

14 февраля. Просматривал «Мир Чехова». Новое здесь то, что последовательно проведен принцип сопоставления с другими писателями. Ни одна особенность Чехова не рассматривается, как это обычно делается, в себе самой, без сравнения с тем, что было *до* и *вокруг*.

4 марта. Я впервые на общеинститутском открытом партсобрании – за 23 года работы в этом заведении. <...>

6 марта. Вчера собрание в институте было продолжено, выступило еще человек 12 <...>. Я построил речь на том, что роль *ученого* в ИМЛИ сведена к нулю, что между печатным станком и продукцией ученого стоит масса инстанций, и из-под каждой надо выбраться. Рассказал, как было в Российской Императорской Академии наук – то, что рассказывал мне ВВ., – как к ординарному академику приставляли наборщика, и академик передавал рукопись непосредственно ему. «Я не вижу причин, по которым С. С. Аверинцева должен кто-то редактировать. Правда, могут сказать, что Аверинцев не академик. Но в том, что Г. П. Бердников член-корреспондент, а С. С. нет, С. С. не виноват. <...> Почему администрация должна указывать Ю. В. Манну, какие труды он может открыть по Гоголю, а какие закрыть? Почему? Она должна это *спросить* у Ю. В. Манна!»

16 марта. 10-го, во вторник, был у Н. М. Виноградовой, принес «Мир Чехова». Была очень тронута моим посвящением В. В.²⁸

²⁸ В книге А. П. «Мир Чехова. Возникновение и утверждение» (М., 1986) – посвящение: «Памяти моего учителя Виктора Владимировича Виноградова».

17 марта. Зря я сержусь на наш отдел русской классической литературы ИМЛИ – на самом деле он мне очень *нужен*: затем, чтоб все время видеть, как *не надо* писать, что такое тривиальное мышление, что значит писание без определенной (какой бы то ни было вообще) методологии, – видеть это воочию, еженедельно.

1 апреля. Я – сам о себе: у него было стремление к предельной ясности в мысли и изложении; вера в то, что главное в художественном мире можно определить в 2-х–3-х фразах; только концепцию мира художника он считал заслуживающей вниманья.

6 апреля. В чем ложь фильма Соловьева «Чужая Белая и Рябой» – при похожести многого? В той жестокости, которая заливает, затопляет жизнь мальчика и которой он просто не мог бы вынести. И такой жестокости в той провинциальной полудеревенской жизни просто быть не могло: как и всякая *природная* жизнь, она разветвлена, растекается, там есть природа, купанье, лес, поле, огород, покос, лопухи, сад, вечера, звезды, рыбалка – да мало ли чего еще, даже две-три вещи из этого набора достаточно, чтобы фильм стал другим. Но этого нет. Жизнь Рябого напоминает замкнутую жизнь мальчика с Арбата, не выходящую за пределы колодцев московских дворов. Автор знал провинциальную жизнь, но то ли забыл ее, то ли наложил на те впечатления городской опыт так прочно, что они исказились до неузнаваемости. Открытая жизнь провинции сжата в комок жизни людей из подполья. На самом же деле эти дворы все время продувались степным ветром²⁹, однозначной жизни не было. И инвалиды были всякие – были и веселые пьяницы. Нарушение пропорций – самая опасная ложь.

7 апреля. Лира Долотова сказала, что самое главное в моей книжке «Чехов в Таганроге» – критика текста воспоминаний Мих. П. и М. П. Чеховых и трезвые слова про чеховскую семью.

– А то ее настолько заслуживали, что даже уже Сергей Михайлович [*племянник Чехова*] какой-то герой, не говоря уж о Марии Павловне.

10 апреля. К записи от 6 апр. по поводу к/ф «Чужая Белая и Рябой»: это хорошо понимал Чехов, в своем «Ваньке» дав едва ли не больше *светлых детских* картин, чем эпизодов беспросветной жизни бедного подмастерья.

4 мая. 30 апреля были с Л., Маней и Янисом у Наташки и мамы – мамин день рождения. Юра рассказывал о ростовском деле – преступнике, убившем 38 женщин (с насилием). 1–2 занимались. 3-го с мамой и Наташкой ездили на могилу к отцу. Мама: – Ну, здравствуй, Павел Иванович Чудаков...

Звонила редактор из «Просвещения» – вышла «Биография Чехова» – моя третья книга за этот год.

30 мая. С 25 по 29 был в Вологде на конференции по поводу 200-летия Батюшкова. <...> На открытии памятника Батюшкову вологодский поэт Коротаев говорил про «вредителей», которые мешали поставить памятник в этом месте, в вологодском Кремле.

Все это – он, Викулов, Белов – меня сильно разозлило, и на заключительном заседании конференции я выступил, сказав, что вынужден внести диссонирующую ноту в общий хор похвал празднику.

– Я хотел бы сказать о тех скрытых и явных намеках, которые делали на этом празднике писатели, – о лженауке, о вредителях и т. п. По-моему, это недостойно – пользоваться

²⁹ Действие фильма происходит в 1946 году в маленьком городке Западного Казахстана.

юбилеем, чтобы высказывать такого сорта идеи. И вообще, мне кажется, слово «вредитель» не следовало бы возрождать... и еще две-три фразы на эту тему.

Следом за мною выступил Турбин и в начале сказал:

– Я присоединяюсь к тому, что сказал А. П. Слово «вредитель» – я давно его не слышал, и мне не хотелось бы, чтобы оно звучало со всеми перспективами, которые оно открывает.

После заседания ко мне подошла седая старушка:

– От себя и от имени части вологодской общественности хочу поблагодарить Вас за Ваши слова о «вредителях». Об этом нужно говорить, этого нельзя пропускать.

17 августа. <...> На чеховский конгресс в Англию поехать не удалось. Посмотрим, что выйдет с Германией.

11 сент. 9-го в «Праге» были с Л. на приеме, данном американскими издателями советским писателям. <...> из американцев много, в том числе Элендея Проффер с маленькой дочкой; Л. тут с ней и познакомилась.

Банкет был стоячий – не люблю.

В середине подошел В. В. Иванов, сказал, что в «Жизнеописании Булгакова» Л. его резануло «государь» в авторской речи.

Л.: – Но это же стилизация!

В. В.: – Но все же в авторской речи! Я вообще не против монархизма. Был такой зоопсихолог Вагнер, основатель зоопсихологии...

Л. делает жест в мою сторону – вот кто, де, знает про него. В. В. это не смущает:

– Он печатался до 30-х годов, когда печатание прекратилось. У него есть неопубликованные работы... Он считает, что на пути от животных к очеловечиванию утерялся *вожак*. <...> Еще одно место у Вас есть... Там где про евреев, что Булгаков в юности их избегал. *Сейчас* об этом нельзя... Я когда прочел, подумал: «Ну, пропаганда «Памяти» действует, если даже самые известные и активные деятели культуры поддаются».

Л. возражала (достаточно резко), объясняла. Я тоже сказал, что нужна свобода обсуждения всех проблем.

В. В.: – Я понимаю, что может не хотеться быть в том лагере, что все. Дело Бейлиса... Но *сейчас*...

Всегда это сейчас! А когда же можно? Л. говорила, что Иванову не понравится, а мне казалось – он шире.

15 сентября. Вчера на самолетике прилетел в Болдино на XVII Болдинские чтения; долго брели по жидкой грязи в Дом колхозника: четыре человека в комнате, три стула, нет розетки электрической, каких-либо тумбочек при кроватях, плечиков-вешалок, мусорной корзины, воды в единственном умывальнике. Розетка – одна на этаже, для телевизора; ходим туда включать кипятильник для чая и электробритву. Купив килограмм гвоздей, набил таковых в стальных шкафах. Умывался, поливая себе из стакана, у крыльца.

8 ноября. 29-го (кажется) был у нас Эйдельман. Подарил две своих новых книжки. Поговорили о текущем моменте. Подарил ему «Биографию Чехова» – и через несколько дней по телефону:

– Я тебя держал по научной части, а в тебе вон какие таланты открылись. Замечательно написано, какой стиль! <...>

30 декабря. Год внешних успехов – вышло 3 книги, был в Германии и Голландии (до этого за 10 лет директор ни разу не пустил никуда), достроил дачу. Кошмарно много времени ушло на общественную борьбу <...>.

Работал мало весь год. <...>

1988

2 февраля. 02 часа ночи. С Л. и Женей Тоддесом распили бутылку грузинского вина за мое 50-летие. Почему-то вспомнилось 2 февр. 1947 г. – календарь, дед. 40 лет тому.

3 февраля. Вчера на юбилей пришли старые друзья: Вят с Тamarой и Таней, Юрка Лейко, А. Крючков, Г. Жинов со Светланой; Наташка с Юрой, Инна³⁰, Маня с Янисом. С Генкой Жиновым знакомы – страшно сказать! – с 1947 года! Но все еще живы, здоровы...

12 апреля. Закончил воспоминания «Спрашиваю Шкловского». Сначала было очень тяжело – чуть не плакал. Потом ничего.

16 ноября. Вчера были с Л. в изд. «Книга». Т. Громова просит пролонгацию на мою книгу о Чехове. Когда мне ее писать?.. А написать все же надо.

26 декабря. Такая круговерть, что и записать некогда. <...> Набегают и новые доделки – ненужные – по уже сданным работам. Дима Урнов берет мой мемуар о Шкловском, но хочет, чтобы я изменил начало – что-то переставил сюда из конца! Лакшин хочет, чтоб я переделывал свою публикацию о пародиях Чехова; статья ему нравится, но сами пародии публиковать не хочет, они, де, порочат Чехова! Идиотизм не кончается.

1989

3 января. Вчера на дне рождения у Л. были: Саша Осповат, Л. Гудков и Б. Дубин, Е. Тоддес, Ю. А. Молок, Ю. Карабчиевский, который много рассказывал о геноциде армян в Сумгаите. <...> Говорили о Гайдаре и все сошлись на том, что «Судьба барабанщика» передает атмосферу 1937 года и вообще талантливая вещь. Потом – о Мемориале и все вокруг.

19 января. И опять Виноградов! Не отпускает покойник. Виктор Владимыч, я потратил на Вас столько лет жизни, а сейчас я хочу заниматься своей наукой, не Вашей! Или Вы считаете, что я еще не оплатил своему учителю?

Дописываю предисловие к 1-й книге VI тома, которого большую часть написал в Малеевке, еще 5 лет назад. Одновременно думаю над заявкой по поводу 2-й книги этого тома, которую тоже буду делать я – больше никому! – и скоро: уже в следующем году, Боже мой! <...>

А что делать с книгой о ВВ? Опять же – если не я, то кто ее напишет? Так – никто, разве что позже, иные поколения, но это уже будет другая книга, они не напишут о том, что надо написать в связи с ВВ и его феноменом как великого ученого в тоталитарном государстве.

6 апреля. Говорил по телефону с Юркой Лейко – делал ему втык. Хотя что волноваться после разговора с другом детства, тем более, что он со всем согласился и все признал, – но вот поди ж ты. Неловкое чувство, что *на кого-то надавил* – не покидает. И победа его не уничтожает, а скорее наоборот. И так всегда, буквально так: «мне неудобно, неприятно, муторно, что я заставил вас подчиниться своей воле. Так лучше, так нужно, я прав, я и сейчас не отказываюсь от своих действий, но мне все равно тяжело». Что же делать, что делать?..

³⁰ Младшая сестра М. Чудаковой И. О. Мишина.

7 апреля. Да, в обществе жить с таким настроем невозможно <...>. Вечер. А вот и Толстой подоспел на эту тему: «Вечная травля, труд, борьба, лишения – это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выйти хоть на секунду ни один человек.... Мне смешно вспомнить, как я думывал <...>, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаяния, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно, все только хорошее. Смешно! Нельзя... Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться..., бороться... Дурная сторона нашей души и желает спокойствия» (письмо к А. А. Толстой 17–21 окт. 1857 г.).

Но только при этом спокойствии у *меня* получается что-то путное, а в суете и борьбе – поверхностное и среднее.

? апреля. <...> Из письма служащего ж/д станции Астапово П. Алексеева – когда Лев Толстой проходил через зал ожидания, «все как-то сразу встали..., а в проходе все бывшие там обнажили головы... Принесли его небольшой багаж. Многие прикасались руками к вещам этого человека». Как понятно! Как понятно!

15 апреля. Завтра лечу в Зап. Берлин – читать лекции <...>. Никуда не хочу лететь, хочу заниматься Толстым (предисловие к книге А. Л. Толстой закончил и последние дни так хорошо работал!) и вообще сидеть в Беляево. И в Америку не хочу в мае.

29 ноября. [Известие о смерти Натана Эйдельмана]. Узнали часов в 12, сейчас 2, до этого не мог взять перо – руки дрожали, Л. давала лекарства. Что-то много смертей. Но ни от одной – кроме Шкловского – не было так тяжело.

31 декабря. <...> Какой был год плохой. Умерли Каверин, Храбровицкий, Роскина, Натан (Твердохлебов, Гуральник, Над. Онуфриевна, Полина Овчарова). Сахаров.

1990 Из записных книжек

16.8.90.

Босоное детство. Главное – именно в этой босоногости в прямом смысле. Путь домой, когда не торопишься (когда из дому – на озера, играть в футбол – бежишь) – целая гамма <приятнейших> острейших ощущений: после каменистой или жестко-кочковатой дороги – вдруг – ближе к обочине – удлиненный островок черной горячей пыли. Сойдешь с дороги – мягкая короткая прохладная травка. Дома – тоже прохладные, но по-другому – свежeweмытые и выскобленные ножом желтые деревянные полы с теплыми – снова – оконцами на них от солнечных лучей.

* * *

16.9.90

Зачем я делаю эти записи? Вот и другие делают – «Мгновенья», «Затеси», «Камешки на ладони», а потом вся страна смеется над этими мгновеньями.

* * *

Когда-нибудь все поймут, что надо оставить всё и спасти главное: воздух, воду, землю. Но будет или уже поздно, или сопряжено с таким напряжением для нынешней цивилизации, которого она не вынесет.

* * *

Размеры преступления советской власти перед филологией как-то забываются, но всякий раз поражают в каждом конкретном случае. Некрасоведение уныло и бледно, и едва ли не лучшая статья после Эйхенбаума и Тынянова – Шимкевича 1929 г. – их ученика, тоже формалиста. А, видимо, был рядовой ученик. Но сколько поставил чисто литературных проблем. И сколько бы было этого, если б не прикрыли издания вроде «Поэтики». Все наше л/ведение (история литературы) было бы иным.

Из дневника

31 декабря. Впечатление истощенности; закончился какой-то период нашей истории. Демократия, как можно было предполагать, но не хотелось верить, оказалась слаба, гребем все правее и правее³¹; уж не сам ли Горбачев во главе этого поправления?..

Мой год прошел в разъездах – 5 месяцев только в Америке! В 91-м не поеду никуда, хоть и зовут.

Хотя и сдал свою книгу, год был средней плодотворности.

1991

12 апреля. С помпой празднуют день космонавтики – 30 лет полета Гагарина – Терешкова и другие выступают с ностальгическими речами о 60-х годах.

Все время думаю о своей прозе. Колебания: рассказы – роман? Видимо, все же роман: не хватит сил на рассказы, самую трудную форму в литературе – на композиционную завершенность этой формы. Роман – гораздо более простой жанр. Романов много, «Дама с собачкой» одна.

1992

4 октября. Современные российские интеллигенты успокаивают друг друга:

– Все писали что-то, лицемеря, поддакивая власти, то, что сейчас не хотели бы перепечатать.

Не все! Я могу перепечатать сейчас – и когда угодно потом – каждую свою строку, и мне не стыдно ни за одну!

3 ноября. Пришла сверка моей многострадальной книги «Слово – вещь – мир»³². Л. завтра отбывает в Лозанну, <...> много обговаривали ее доклад о фантастике.

³¹ Тогда «правое» и «левое» еще употреблялось в значениях, противоположных сегодняшнему: «правее» означало – в сторону *советского*.

³² Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики русских писателей. М., 1992.

1993

4 января. <...> 31 – го были с Л. у мамы с Наташкой. <...> 2-го на дне рождения у Л. были: Алеша Берелович, Лазик Флейшман, Марк Харитонов, Костя Поливанов, Женя Тоддес, Юра Манн. <...> Марк поднял тост «за культурную ячейку – дом Саши и Мариэтты, которая все годы...» и проч. Было удивительно мило, хотя несколько тихо.

1994

13 августа, Истра. С 18 июля – ни дня умственных занятий, тяжелые дачные работы, одиночество, спокойствие. <...> На даче проделал такое количество работ, что, глядя теперь, удивляюсь: это я? один?

28 сентября. Вчера слушал речь Ельцина в ООН. Есть пара фраз из текста Л. Она: «Если осталась пара фраз – уже много!»³³

21 октября. Вчера приехал в Badenweiler на II международный чеховский конгресс. <...>
...Забытое ощущение ухоженного немецкого городка!..

* * *

Со своего балкона в отеле «Sommer» Чехов видел термы в ложно-римском стиле. <...> Сначала ходил к пруду с лебедями, потом мог только смотреть – кусочек пруда был виден с его балкона. Теперь все заросло, и пруда уже не видно, как не видно моря в Ялте, на которое смотрел с балкона Чехов.

В курпарке было то, что он любил: прекрасная природа, но облагороженная двухвековыми стараниями человека.

3 ноября, Истра. Утром пилил с ребятами березу, свалили на провод³⁴, оборвали, сажу при керосиновой лампе.

Похоронили Асю Берзер. В крематории Донского монастыря были Люша Чуковская, А. Вознесенский, Клара Домбровская³⁵ (встретили ее, когда подходили с Л. к воротам), Н. Солженицына и др. (всего человек 40). Говорили Рыбаков, Войнович, Л., еще кто-то. <...>.

1995

17 января. Звонил Вят: умерла Клава Свешникова, моя первая любовь (7 января).

19 января. Клава, которую я помню 13-летней девочкой, кому я писал первые записки, кого первую поцеловал, самая жизнерадостная, самая здоровая из нас всех, – умерла! – представить это невозможно.

³³ С осени 1994 года (до 2000-го) М. Чудакова была членом Президентского совета; одно из заседаний (они шли всегда под председательством Президента) было посвящено подготовке выступления в ООН; Б. Н. записывал предложения членов Совета, показавшиеся ему интересными.

³⁴ Я предупреждал, но сказали: «Что ты, Палыч! Ляжет, как миленькая!» И легла – на линию электропередачи (прим. автора).

³⁵ Ю. О. Домбровский посвятил Анне Самойловне Берзер свой роман «Факультет ненужных вещей».

13 февраля. <...> 3-го на Истре – мой день рождения. Были: Осповат, Вероника Долина с мужем, Гаев, Оля Майорова. <...> Осповат в тосте сказал:

– В начале 70-х гг., когда я размышлял над проблемой: если выпил с утра, пить ли еще и в обед, мне попала «Поэтика Чехова», и я увидел, что бывает другое литературоведение, можно писать вот так! И я пошел в науку.

30 марта. <...> Сегодня был у Светы, дочери бедной покойной Клавды. Жаловалась на одиночество – сидит с двумя детьми, хотела поближе познакомиться именно со мною.

– Вы были ближе всех к маме, она про Вас много говорила, и тетя Маша (сестра Клавды) тоже советовала с Вами познакомиться.

8 декабря, Истра. Фильм о Вавилове. Как мы по крохам лет 20 назад добывали информацию о нем, впитывали и сострадали великому ученому. Теперь – пожалуйста, всё о нем, и уже играет мерзавца Лысенко как мерзавца хороший актер. Но впитывает ли кто из нынешних 35-летних это так, как мы тогда?.. Знание без труда и знание, добытое буквально кровью и потом?..

Кадры голода на Украине – собирают и воруют колоски, ребенок ест червяка... Что бы мы тогда отдали за такие кадры на всесоюзном экране?..

10 декабря, Истра. Вывели 10 венцов бани, к следующему моему приезду обещались довести до верха и положить лаги – из пятидесятки (коей 1,5 куба), а не бруса – так договорились. Во сне: приснились стихи:

Вы пойдете, вы пойдете
К Леониду Ильичу,
Вы найдете, вы найдете
То, что я найти хочу.

И под утро:

А дома ждет тебя
Негр в автобусе.

Кому прочесть – не поверят.

15 декабря. Истра, куда вчера приехали с Янисом, по дороге купив рубероид, утеплитель, фанеру. Сегодня начинают ставить стропила – «выше стропила, плотники!» <...>.

18 декабря. Первая неожиданность выборов: ЛДПР набрала еще больше голосов, чем в первый раз! Значит столько дураков в стране.

Л. дала прочитать очень хорошую статью Стреляного в «Русской мысли», где он задолго до выборов предсказал этот феномен, объясняя его подсознательно-патриархальным чувством русского народа. В связи с этой статьей Л. мне:

– Ты бы мог писать статьи не хуже этой. Литературный талант, стиль у тебя не меньше, чем у Стреляного, да и знание русского мужика не хуже. Вон как ты рассказываешь о своих беседах со строителями и мужиками из Алехнова.

24 декабря, Истра. Как забываются полезные патриархальные привычки: все утро топил печь, но забыл поставить на нее чайник, который пришлось кипятить потом особо. Забыл также, что надо сделать завалинку из снега, – немудрено, что от пола веяло холодом! Мело, мело по всей земле во все пределы... Тишина, одиночество, покой.

<...> ...Снег шел до вечера; разгребал; надо бы подшить валенки – займусь в следующий раз.

Вычитываю свою статью о Виноградове «Арест, тюрьма, ссылка, наука». Печально. В каких условиях работали люди. А мы все жалуемся.

1996

[Первая половина года прошла в разъездах – США, Ялта, Пушкинские горы, Петербург. Летом А. П. обосновался на даче. Было решено принять приглашение преподавать с осени два-три семестра в Южной Корее. Отсутствие хороших библиотек и сравнительно небольшие деньги надеялись компенсировать тем, что именно там, вдали от столичного обилия дел и обязанностей, он напишет наконец роман...]

2 июля, Истра. Приехав, парился впервые в собственной бане. Ух!

4 июля. <...> Сегодня – радио – перевес у Ельцина 13 %. Хотя и надеялись, но все же были волнения. <...> Л. вернулась из Горно-Алтайска.

6 июля. Сегодня приехал на рафике на дачу – завез пушкинистику, чеховскую энциклопедию и проч. – удастся ли поработать?.. <...>

11 июля. Как обычно, на даче – только физический труд. Соорудил стену из гигантских валунов. Сделал аллею. Правда, два раза был на водохранилище. Уже три дня жара 30–35°C. С мамой разговариваем о прошлом – рассказывала о своем деде, моем прадеде Длусском-Складовском, который проиграл имение, отчего прабабка вынуждена была давать семейные обеды, где и познакомились мои дед и баба.

Читаю дневники Троцкого. Не отпускает от себя история этой злодейской партии – интерес к ней во мне все еще не угас, – странно.

22 июля. Все лето – дача. <...> Работал целыми днями от зари до зари. Пока еще могу.

6 ноября 1996 г. Вчера приехал в СПб. <...>.

8 ноября, СПб., г-ца «Москва». Был у Д. С. Лихачева в Комарово <...>.

9 ноября. Вчера приехал из СПб. <...>

10 ноября. После написания за 10 дней мемуара о ВВ в 2,5 а.л. (правда, были заготовки), когда работал как раньше – по 10–12 часов в сутки (могу еще, оказалось) принимаю решение: с ноября (с Кореи) начинаю серию *КНИГ* – и только книг, не статей! – и к 2004 г. напишу их: 1) роман (в Корее; ну, это как пойдет); 2) Лекции о Пушкине (или ЕО – курс для печати); <...> 9) Книгу о ВВ.

15 ноября, Сеул. <...>Квартиру дали из двух комнат с огромным холлом. Сегодня у меня первая лекция. <...>.

21 ноября. Читаю лекции, водят к высоким университетским чинам <...>. Начал писать роман – непривычное занятие.

24 ноября. Вчера читал корейцам о многосубъектности слова в «Евгении Онегине», стилистической реформе Пушкина и проч. – крайне трудно изложить это знающим русский язык.

Роман движется плохо – куски сами по себе как будто ничего, но композиция их!..

30 ноября. <...> Вчера была моя вторая лекция по медленному чтению «Евгения Онегина» – мечта с самого начала моего преподавания. За две лекции дал толкование примерно 1/3 строф. Корейцы клянутся, что понимают. Надо такой же курс по «Онегину» читать своим, в Москве. Пишу прозу.

2 декабря. Описываю депортацию чеченцев и ингушей – по впечатлениям детства. Все это надо было описать и напечатать 15 лет назад. А теперь все всё знают и об этом пишут – кто поверит, что я все знал и так же думал об этом и 20, и 25 лет назад – в сущности, всегда, с самого детства. Не опоздано ли?..³⁶

8 декабря. М. б. осуществить чеховский замысел – писать роман в виде отдельных самостоятельных рассказов? Что-то все сваливается в эту сторону.

Из писем

[Начало декабря 1996 г.]

Пишу роман!

А. Чехов ...Обещали какую-то культурную программу – корейскую свадьбу и проч. Но пока отстали, чем я доволен – сижу, пишу, как явствует из эпиграфа, роман (=хроника=мемуары=серию записей), боюсь, что его постигнет участь чеховского романа (он его писал в виде отдельных главок-рассказов, а потом вообще бросил). «Не справляюсь с композицией». Т. е. отдельные куски вроде и ничего, но как все это соединить?.. Трудно сочинять высокохудожественную прозу. Все непривычно, начиная со стола, на котором лежит только стопка чистой бумаги, а все остальное я за ненадобностью убрал, но стал чувствовать какой-то неуют и потихоньку опять все натащил. Нашу с тобой любимую серую бумагу вынужден был оставить в аэропорту вместе с книгами, а тут продается такая роскошная, что, чувствую, моя проза ее недостойна.

Библиотека университета бедна – не то слово: просто никакая, даже у проф. Кима (главного) в кабинете – лучше. Но т. к. я теперь прозаик, то этот недостаток не чувствую. Ежели переменить профессию, то можно не токмо что в Сеуле, а на необитаемом острове писать.

<...> Я почему-то взял мало рубашек под галстук – всего 3. Без перерыва их стираю. А купить тут на мой размер – нечего и думать. Когда назвал № ботинок в магазине – весело смеются. Говорят, что какие-то на нормальных нелилипутских людей размеры есть в магазинах на американской базе. Туда еще не добрался.

12.12.96 в Сеуле

³⁶ *Художественное* не опоздано никогда. 14/IX – 98 (прим. автора).

<...> заранее поздравляю тебя – вдруг не дойдет, если позже, – этой высокохудожественной открыткой. С днем рождения тоже – они в этих случаях посылают именно ветки – чтобы жизнь шумела, полная цветов и листьев, как писал известно кто. Я теперь тоже – пусть считается – писатель, создаю маловысокохудожественные тексты, а может средневысокохудожественные – неясно, только К <...>³⁷ скажет, прочитав. Пишу – ты будешь смеяться – за исключением двух дней недели каждый день! И – ты опять будешь смеяться – какие-то даже юмористические куски, временами кажется, что даже ничего, сам смеюсь, во всяком случае. Есть и серьез. «Рождался писатель универсального художественного и стилистического диапазона» (Ч-в А. П. А. П. Чехов. Биография писателя. М., 1987.). Все непривычно. Не надо библиотек. Пустой стол – только стопка бумаги, да черновичок слева (а то и его нет). Какая-то странная свобода в голове – не связанность каким-то материалом, оглядкой, ссылками, цитатами... Про что ни начну – что-то помню, знаю: хучь про кочегаров, хучь про лошадей... Может быть Каверин и был прав, когда советовал мне писать – «вы же много знаете». Во всяком случае, это – единственная область, где может быть востребовано все – от биологии до спорта, если вообще кому-нибудь нужно, чтобы это было востребовано. Твой телефонный совет – писать приятное, что идет, что пишется – с благодарностью принял. Ведь мы привыкли в своей науке: не только что хочется, но и что надо. М. б. в искусстве не так?.. Странно, но помогает мой небольшой мемуарный опыт, даже не знаю в чем – в каких-то приступах к темам, что ли. Вот расписался про это – привыкай, мы, писатели, любим поговорить о своих творческих задумках – проблемах – трудностях. Посылаю экран писания – как документ.

Лекции идут успешно. Почти 6 часов посвятил медленному чтению – комментированию Е<вгения> О<негина> – вопреки советам разных экспертов, что корейцы, де, ничего не поймут. Прекрасно поняли и говорят, что это им полезней всего остального – такой тотальный лингво-стилистический и культурологический комментарий. Прошел с ними ½ I главы, рассказал им, что Щерба вступление к «М<едному> всаднику» анализировал целый семестр, – ахали, восхищались и тоже захотели.

В Сеульском университете (это не мой, другой), где я читал одну лекцию, один аспирант сказал, что не думал, что ему выпадет такое счастье – разговаривать с великим ученым. А профессор в ун-те Ён-се сказал, что они весь семестр изучали в семинаре сначала «Поэтику Чехова», а потом «Мир Чехова». Как рассказывал Шкловский, когда студент в Праге заплакал, увидев его... А еще один аспирант сказал, что был уверен, что я давно помер, т. к. «Поэтика Чехова» вышла еще до его рождения. <...>

Покой снизошел на мою душу на этом краю света – последнее время я был нервен, прости меня за это, но теперь как-то спокойно.

Экран писания романа (г. Сеул)

Нояб.

14(15) – 4 стр. высокохудожественного текста

18 – 1 стр. не – «– «–

19 – 2 стр. художественного текста

20 – 1 стр. просто –«–

21–26 – 3 стр. среднехудожественного текста

27/XI – 2 стр. так себе текста

28/XI – 2 стр. высокохудожественного текста + 1 стр. антихудожественного текста + 3 стр. малохудожественного.

29/XI – 2 маловысокохудожественные стр-цы

³⁷ «К <...>» – здесь и далее – домашнее именование адресата.

- 30/XI – 1 стр. так себе текста
Дек.
1 /XII – 3 стр. неясного качества
2/XII – До обеда – 3 стр.: хорошо, но не ой-ёй-ей.
После – ½ стр. высоколирич. текста
1 стр. – ничего себе.
3/XII – 1 стр. (про кочегара) – высокохудожественная.
4/XII – 1 стр. народного диалога, м. б. и смешного, но неясно, нужного ли. + 3 стр.
5/XII – 2,5 стр. – непонятно.
8/XII – 1,5 стр. + 1 стр. событийного повествования после разговора по тел. с Л.
9/XII – 1,5 стр. про ООН – средневысокохудожественных.
10 /XII – 2 стр. о Ваське – высокохуд. юмористич. текст.
11/XII – те же 2 стр. о Ваське, полностью переработанные – еще более высокохуд. и еще более юмористич. текст + 3 стр. дальнейшего юм. текста.
12 /XII – с утра непонятно насколько худ. 2 стр.

Из дневника

14 декабря. 7-го в ун-те «Ён-сё» – конференция «Литература и лингвистика», читал там доклад «О принципах анализа художественного произведения» – о своей теории уровней, но больше всего о предметном мире. <...> Вечером – концерт камерного хора <...> – Christmas Hymn, Monteverdi, песни Шумана, Schonberg – Friede auf Erden – все на языке оригиналов, прекрасно. <...>

Из писем

17.12. 96.

<...> Работается хорошо. Стало ясно: всю жизнь я жил в клетушках, которые меня сдавливали. Тут брожу по трехкомнатной полупустой квартире и думаю. <...> Может, я, как Гоголь, буду писать роман в прекрасном далеке?.. Неясно, правда, что из этого выйдет, только К<...> скажет, стоит ли. Не говори никому больше про мою прозу <...>. Не стоит.

<...> Иногда кажется, что вроде и ничего... Не хуже, чем у NN и XY³⁸... Правда, выяснилось, что я ненужно хорошо знаю русскую литературу – все время есть опасность свалить то в «Отрочество», то в «Жизнь Арсеньева». Неуж Тынянову это не мешало?

Из дневника

23 декабря. <...> 20-го, в пятницу, заболел, t – 39,3. Все испугались. Сказал им, что у меня быстро пройдет, – не поверили. 21-го уже была утром 37,3, а вечером – нормальная и 21-го же в 13 часов уже читал заключительную лекцию по исторической поэтике <...>.

...Целыми днями пишу. Чукча теперь не читатель, чукча – писатель. Все идет в дело! Все, что знаю. Странное чувство. Все, что выливалось только в застольные и кухонные разговоры, рассказы Юре Попову (когда еще!), Жене [Тоддесу] и др. – все, оказывается, можно перелить в чеканную маловысокохудожественную прозу. М. б. прав был Каверин – и мне давно надо было писать? «Вы много знаете и вам всё интересно – и разное, а это главное», –

³⁸ Так в тексте письма.

примерно так он говорил однажды после какого-то нашего длинного разговора. Действительно, интересно мне всё – пока. Надолго ль? Странно думать, что чувство это может угаснуть.

Если писать ежедневно, возникает инерция творчества, так хорошо знакомая мне по науке – и так же знакомо ее иссякание при перерыве хотя бы в два-три дня.

...Это будет последний роман-идиллия – ностальгия по доиндустриальной эпохе, но не патриархальной, как у Ф. Искандера, а русско-интеллигентски-патриархальной, осколок дворянского XIX века.

31 дек.

<...> Читаю Фазиля. Он совершенно уверен, что все это – как шелушат кукурузные початки, как доят буйволиц и едят баранину с аджикой – всем интересно. Буду и я так считать про патриархальную жизнь города Чебачинска.

1997

[Вернувшись в Москву, А. П. вновь писал уже урывками. Дни были отданы академической работе, преподаванию.]

1 марта. Получил главы своего романа с машинки. Видимо, слишком долго изучал Чехова – все слишком кратко – «вроде сгущенного бульона», как выражался классик. В главе – 8, 6, 4 страницы. Ну куда годится?..

19 марта. <...> С прозой застопорилось – нового пишу мало, штопаю (добавляю) старое. Л. отдал перепечатанные главы. Очень хвалит.

21 марта, дача. Приехал сегодня днем. Три дня валил снег – по колено. Расчистил, жду завтра Л. с Женечкой.

Набросал план теоретического введения к лекциям по исторической поэтике русской литературы, которое может быть развернуто в отдельную книжку по теоретической поэтике.

23 марта, дача. Вчера приехали Л. с Женечкой. Мы с Л. сразу пошли на лыжах, прокладывая лыжню по полуметровому снегу (оказывается, по снегу в этом месяце какой-то рекорд), а Женечка играла в снегу.

Вечером все втроем смотрели комету, так и в бинокль. Зрелище незабываемое, поймешь наблюдавших комету Галлея в 1812 г. <...>.

29 марта. Насколько проза – даже такая скромная, как моя, – насколько она сложнее литературоведения, сколько в ней странного, подсознательного, необъяснимого.

9 апреля. Не писал прозу недели две. <...> Сегодня, с громадными усилиями почти все разбросав, пописал кое-что. М. б. и напишу что-нибудь стоящее – если Бог даст жизни.

6 мая. <...> Праздничные свободные дни провел бездарно – перебирал бумажки (по прозе), нового ничего не написал. Какой-то ступор. Или так всегда бывает у прозаиков? Привык к науке – сядешь за стол – и как из тюбика идут мысли и страницы.

9 мая. Весь день почти не работал (впрочем, странички 2 написал) – смотрел по ТВ хроникальные и прочие фильмы о войне. Как все это во мне живо, а ведь мало было лет

в войну. Видимо, мое поколение – последнее с живым ощущением великой войны. Поговорил по телефону с мамой – о войне. «Этот праздник не сравню ни с каким другим», – сказала она. Вспомнила, что папа не верил в 7 млн. погибших – цифру, которую называли в 45 году. Он говорил, что у нас врут всегда, – погибших было 15 млн. А дед говорил: втрое, т. е. 21 млн. Сегодня сказали – 27. Через войну прошло 40 млн. солдат. Погибла – половина.

10 мая. Сегодня писалось. Если удастся, роман будет свидетельством представителя последнего военного поколения – представителя особого, свободного в детстве от яда советской пропаганды.

Л. звонила из Италии <...>.

12 мая. Перепечатал начало романа, то, что давно лежало в рукописи, первые пять глав: «Армреслинг в Чебачинске», «Претенденты на наследство», «Воспитанница ин-та благородных девиц», «Четвертая сибирская волна», «Клава и Валя». Получилось всего 37 стр. на машинке. Думал: некоторые главы будут страниц по 15–20, а получились – 6–8 страничные главки! Видимо, многолетние занятия Чеховым так въелись в плоть и кровь, что уже органически не могу писать более пространно, хотя материала хоть отбавляй, и Л. говорила (и другие читатели тоже): жалко, что глава кончается, хочется еще.

29 мая. 25-го были с Л. в немецком посольстве, а 26-го (воскр.) – в Доме журналиста по поводу вручения Виктору Астафьеву Пушкинской премии Фонда Альфреда Тепфера. В посольстве общался с Фазилем Искандером, Латыниными <...>, Витей Ерофеевым <...>.

В Доме журналиста было само вручение. Вел Св. Бэлза <...>. Когда уже все выступили, я сказал Л.: «Где же блестящие выступления? Куда все делись?» Вдруг она подымает руку. Бэлза торжественно: «Мариэтта Чудакова!» И выступила лучше всех.

27-го был в Твери, работал в библиотеке <...>.

8 июня. <...> Сегодня с утра занятия идут плохо – за завтраком видел фильм, как целыми стадами отстреливают слонов, которых расплодилось в каком-то африканском заповеднике слишком много. Стадо мечется, не понимая, в ужасе, закрывая телами малышей, но выстрелы гремят и гремят. Жаль, не показали близко стрелков – хотелось бы посмотреть им в лицо.

Вечер. Только расписался, пошел чай пить, включил ТВ – передача, как забивают детенышей тюленей; показали их печальные черные глазки. Ну что ты будешь делать!..

19 июля. 30 июня прилетел в Иркутск. <...> Радику [Лапушину]³⁹ дал почитать две главы из романа <...>. Очень хвалил, сказал, что материал совершенно новый и стиль не повторяет никого, и что он, Радик, всегда подозревал, что я или пишу или буду писать прозу – в моих научных сочинениях всегда были как бы художественные стилистические куски.

10 августа. Впервые за все годы на даче не делаю крупных работ, а – пишу. Живем с мамой, которая варит мне борщи. <...>

24 августа. Приехала Наташа, увезла в Москву маму. Прожили мы с мамой на Истре больше трех недель – вдвоем. <...> Писал прозу; в разговорах с мамой оживил детские воспоминания. Почти все, что она рассказывала, я уже слышал и помнил, но некоторые про-

³⁹ Радислав Лапушин – поэт и молодой чеховед из Минска; вскоре – славист в американских университетах. А. П. относился к нему с исключительной симпатией и доверял его вкусу.

зительные детали для меня были новыми – напр., что тетя Таня в первый год высылки жила в телятнике, что местный сапожник дядя Дёма тоже был ссыльным и проч. <...> Все время поражалась: «И как это ты все помнишь! Ведь лет-то тебе всего сколько было!» Впрочем, сама же вспоминала, что помнит себя с 3-х лет, а хорошо – с пяти. Я – хорошо, видимо, тоже с пяти – со времени завершения Сталинградской битвы: странно, но что-то понимал даже в окружении фашистских войск (карикатура в журнале «Крокодил»).

26 августа. Ходил вчера на водохранилище – очень хорошо, тишина уже осенняя, но тепло, всласть поплавал.

25 сентября. <...> Женя [Е. А. Тоддес] прочитал главу «Землекопы и матросы»; говорит, все достоинства автора сохранились. По-прежнему считает, что сюжет должен быть слабый, проходить лишь пунктиром.

23 октября. Уже месяц как не пишу прозу – первый такой большой перерыв – без видимых причин: текучка, лекции, дачные дела. Последние отнимают много времени – задумал делать забор-стенку из гигантских валунов – как в летнем саду китайского императора в Пекине, который я видел 2 года назад. Задумал – страдай, дурак.

8 ноября. Вчера с Л. были в Большом зале консерватории – «Реквием» Артемова. Второе исполнение в России, первое – в 88 г.

10 ноября. <...> Звонил Ким Хин Тхек из Сеула. В Корею еду. М. б. там меньше будет текучки, звонков и проч. Надо там дописать роман – откладывать боле некуда.

26 ноября. <...> Сегодня вдруг написал кусочек в роман про Анну Герман. Почему приятно писать роман? Погружаюсь в вымышленную, хотя и реальную действительность – в ту, в которой я бы и хотел жить, – а не в этой, в которой живу.

1998

8 марта. Шереметьево-2. <...> С сумкой, набитой черновиками прозы, отбываю в Сеул.

11 марта, Сеул, Дом преподавателя, кв. 801. <...> Написал вчера ночью треть главы «Кооперативный конь Мальчик».

13 марта. <...> Закончил главу о Мальчике.

21 марта. <...> Писание идет хорошо. Утопаю в материале. Закончил главы «Крупный рогатый скот» («Бычаги?»), «В бане и около».

2 апреля. Закончил 6-ю главу (из середины, были черновики) – «Чебачинск, или город детства». Теперь подряд готово 13 глав. Перечитал. *Детский* мир не муссируется, не подчеркивается специально-детское восприятие – кому это интересно после Толстого? Мне интересен в герое не ребенок, а тот, кто запомнил взрослую жизнь 50 лет назад, т. е. запомнил уже – историю.

6 апреля. Еще раз прошелся по главе «В бане и около». Удастся ли мне показать пронизанность *всей* чебачинской жизни лагерем, ссылкой? Она была, эта пронизанность, была!

А то стало модно говорить: страна жила своей жизнью, ходили в парк культуры... Может, в Москве и ходили; в Чебачинске-Щучинске тоже ходили, но Гулаг не давал забывать о себе везде.

10 апреля. <...> Вчера начал главу «Псы». Когда перед отъездом объявил Л., что будет такая глава, она сказала: «Да еще я вот такусенькая была, а ты уже хотел рассказ с таким заглавием написать!» Действительно, замысел такой, как говорит классик, сидит в голове у меня лет двадцать.

14 апреля. Все эти дни вставал рано, сегодня – в 6.00. Закончил главу «Псы». <...>

6 мая. <...> Хожу в спортзал, очень современно оборудованный. Встаю ежедневно в 7–7³⁰. Проза идет вяловато. Хотя согласились мне перепечатать на компьютере «Чебачинск, или город детства», перечел, вроде ничего. Каждый день пишу по одной «заметке дилетанта» – герой мой делал такие записи, хочу собрать их в одну главу эдак на 0,7 листа. Про филологию там мыслей не будет.

9 мая. Оказывается, я хорошо помню этот день 53 года назад. Какое было особое, чистое ликование, сколько надежд – увы, не сбывшихся.

Вчера устроил литературный вечер для здешних наших преподавателей русского языка, прочел им главы 3, 7, 10 – в гл. 7 как раз про день Победы.

Отзывы: «Информативно». «– А вы это специально как-то изучали? – Что специально? – Да про все эти хомуты». «Нет психологизма» (Марсакова). «Есть юмор».

26 мая. Заканчиваю главу 22 «В Москве» – про Храм Христа Спасителя, советское кино 30-х гг., Лилю (попытка написать женский характер).

31 мая. За 27–31 мая написал главу 23 «Гибель Титаника». <...> С утра разбирал бумажки – материалы по роману, набросанные за эти месяцы и лежащие в папке «Нрзб». Чего только нет! Чтоб все это оформить... Неуж не успею закончить к декабрю? М. б. к этому времени сделать журнальный вариант и отдать в «Новый мир» <...>?

3 июня. <...> В связи с лекциями перечитал свою «Поэтику Чехова» – давненько туда не заглядывал. Нет, надо, надо написать *последнюю* обобщающую книгу о Чехове, куда войдет и экстракт из «Поэтики Чехова» (повествование) и статьи последних лет – хотя бы затем, чтобы читатели не искали их в сахалинских сборниках, «чеховианах» и «Новом мире».

6 июня. 4-го, в четверг, с аспирантами ездили в National Park, где подымались на гору И Сон – местами вверх, цепляясь за канат, – почти вертикальная стена. Горы необычайной красоты.

7 июня. Решил, как герой «Театрального романа», посмотреть, как в современной литературе описывают деревенское детство, 30-е–40-е годы и проч., взял в университетской библиотеке почитать Василия Белова. Знаменитые «Плотницкие рассказы» оказались очень средних достоинств – вкуса маловато, авторские высказывания и внезапные вторжения газетной лексики разрывают повествовательную ткань. А вот короткие рассказы «За тремя волоками» и «Кони» оказались хороши. В «Рассказах о всякой живности» спокойно рассказывает истории про котов, петухов, собак – а я-то сомневался и главу «Псы» порезал на треть! Больше наглости! Возраст мешаает. Раньше начинать надо было, дурак.

10 июня, 6⁰⁰ утра. Позавчера *вернул* в главу «Псы» несколько эпизодов – и Л. говорила по телефону, что зря выбросил. <...>

12 июня. Сбросил вчерне главку «Разговоры с черной собакою», но так расстроился, вспомнив бедную мою погибшую Жуку, что бросил – не знаю уж, когда смогу.

14 июня. Вчера сбрасывал и складывал главы. Думал – будет 33, хорошее число, но уже намечается 40 и, похоже, это не предел. Роман – эпопея, как говорит Л.!..

15 июня. Л/ведение окончательно маргинализируется. Похоже, скоро я останусь *один*, кого заботит идея «Мир писателя», кто хочет писать работы, этот мир исследующие. Впрочем, и раньше – после стариков, да еще Сережи Бочарова, отчасти Юры Манна (и, конечно, Л. – но это почти «я») я был один, так живо эта идея никого не волновала, спокойно занимались частностями. Идти против всех трудно, но придется.

17 июня. Перебирал накопившееся «нрзб» – целая папка, материалу на несколько самостоятельных глав – но, видимо, придется ограничиться намеченными сорока, иначе все это грозит превратиться в бесконечный процесс.

[В конце семестра А. Ч. прожил несколько дней на острове Чечжу-до.]

...отделенном от южной оконечности Корейского полуострова стокилометровым проливом, считающимся местной жемчужиной и главным курортным местом. Океан прекрасен – те же длинные волны, что и в Петропавловске-Камчатском, на Гавайских островах и в Лос-Анжелесе. И то: тот же Тихий океан! По берегам скалы из вулканического туфа высотой примерно 50–70 м, совершенно вертикальные...

...Плыть можно, но только боком к волне – время от времени бьет в морду белым гребешком волны; волны до 3^x метров – об этом сообщил какой-то служитель, пришедший специально и сказавший, что по этой причине сегодня купаться нельзя... Океан в такую погоду прекрасен.

Сюда взял обложку главы «Приобретенные признаки наследуются» – про биологию 50-х гг., лысенковщину и прочие мерзости – все всколыхнулось, от ненависти к этому негодю не могу даже писать.

7 июля, дача. 1-го прилетел в Москву <...>.

2–3 читал Жене Тоддесу и Л. главы из романа «Кооперативный конь Мальчик», «Город детства», «Вдовый угол». Очень одобрили. Женя сказал, что как только возникает инерция литературности, материал всё перешибает. Л. сказала, что тот редкий случай, когда хочется слушать еще и еще и жалко, когда кончается. <...>

На даче живем с Женечкой и мамой. Встаю в 7. Дрова, газон, торф и проч. и проч.

23 июля. За три недели не написал ни строки: или работа на участке, вода, дрова и проч., – или Женечка: чтение с ней, изучение английского, рассказывание сериала «Маленький лорд Фаунтлерой на необитаемом острове» – собственного сочинения. Тренирую ее дважды в день в брасе – большие успехи, толчок хорош, есть скольжение, выдох в воду. Ошибки в работе рук.

<...> Дал наконец маме почитать главы из романа <...>.

Вполне поняла, что это не мемуары: «Ты все смешал» (т. е. обобщил). «Хорошо, талантливо. Юмор – я часто смеялась. И – хороший стиль. Чеховский. Ясный. Я люблю ясный стиль. Когда у меня плохое настроение, я беру Тургенева, Чехова. Говорят: у Толстого сложный стиль. А мне кажется – у него все очень просто излагается... Значит, ты сейчас работаешь над этим? Хочу почитать еще, что ты написал».

24 июля. Мама после главы «Кооперативный конь Мальчик, или Черепаха Наполеона»:
– Ты меня повеселил.

И действительно смеялась во время чтения, хотя многие эпизоды ей известны.

– Все так, как было. Но у тебя получается интереснее, чем было. Как-то увлекательнее, что ли. Вроде что-то немного другое. <Эффект литературы!>

30 июля. Дал маме «Натуральное хозяйство XX века» и другие главы. <...> (Отзывы записал на плёнку:)

– Вообще мне твое творчество очень нравится.

– Что именно?

– Всё, всё. И смешно так. Конечно, оппоненты найдутся, критиковать будут, но ...

– А этот эпизод, когда папа принес графин с водкой, правильно я описал?

– Правильно.

– Кстати, ты помнишь, сколько мне было лет тогда? Шесть?

– Пять или шесть. Как бы не пять или четыре... Наташки или не было или она была очень маленькая. <...>⁴⁰

– Кто вот так вот жил, тому будет интересно... Вот Цветаевой сестра жила в Кокчетаве. И я знала учительницу старую, которая была с ней соседкой. <...> Учительница рассказывала, как она, ничего не умея, сажала и картошку, и рубила...

5 августа. <...> Выучил Женечку плавать брассом – думаю, на уровне 3-го разряда (по технике; выносливости, конечно, еще нет); есть и толчок и скольжение. Классический брасс образца Мельбурнской олимпиады 1956 года! Вот удивится какой-нибудь тренер!

<...> Ничего не пишу – можно сказать, июль отдан внучке.

21 августа. <...> Вчера привез камень, плитку, бордюрный камень. Трудности были *чрезвычайны*.

26 августа. Осуществил давнюю мечту – сложил каменную стенку, как в летнем дворце китайских императоров в Пекине. Делали втроем. <...>

30, собственно, уже 31 августа. 2.30 ночи, Сеул. Прилетел сегодня вместе со всеми преподавателями в Корею. <...> Разложил рукописи романа, завтра начну. В Москве не написал ни строки.

5 сент., Сеул. Приступил к занятиям. Корейское начальство не только не выполнило свои обещания улучшить мне расписание, но сделало его еще хуже, оставив мне всего один свободный день! Напишешь тут какую-нибудь прозу.

⁴⁰ Ср. у С. Аксакова в «Детских годах Багрова-внука» («Вступление»): «Будучи лет трех или четырех, я рассказывал окружающим меня, что помню... Все смеялись моим рассказам и уверяли, что я наслушался их от матери или няньки и подумал, что это я сам видел. Наводили справки, и часто оказывалось, что действительно дело было так и рассказать мне о нем никто не мог» (прим. автора).

Меж тем есть о чем писать: просмотрел за эти дни все папки «Нрзб» – материал громаден и нов. Правду говорил Женя Тоддес – редкий случай, чем больше – тем лучше.

Осваиваю компьютер – перепечатаваю главу «Гибель Титаника». Эйфории, как обещали все, от общения с этой машиной не испытываю.

13 сентября. Жара, духота, смог. <...> Звонил в Москву. Л. прилетела из Лондона. Общалась там с Юрой Щегловым, который сказал, что только в Л. и во мне видит людей, по-настоящему увлеченных наукой. Западные профессора, уйдя на пенсию, дарят свою библиотеку университету и удят рыбку.

23 сентября. Вчера – занятия с переводчиками, сегодня – с третьим курсом. И тем и другим увлекся – вообще все больше втягиваюсь в преподавание лингвистики – вспомнил молодость. На третьем курсе в учебнике вопрос: какие профессии вы испробовали в своей жизни? Сан Джон работал официантом в студенческом кафе, Миша служил на аэродроме, одна девица преподавала англ. язык. Потом они спросили: а вы? Пришлось рассказать: землекоп, столяр, плотник, садовод, тренер по плаванию. <...> Перепечатаваю на компьютере «Гибель Титаника». Готовя к перепечатке первые пять глав, перечел их. Есть некоторая робость. Сколько материала оставлено за бортом – из опасения, что будет неинтересно, скучно, длинно. Вот недостаток позднего дебюта: нет молодой наглости, сознания того, что раз *мне* интересно, то будет интересно всем! Набоков не боялся целые страницы заполнять перипетиями ловли и консервации бабочек – сведениями достаточно специальными. <...>

12 декабря. Продлил контракт – до февраля 2000 года (впервые увидел эту цифру на документе, ко мне относящемся). Закончил «Пельмени Ильича» – одну из самых больших глав романа (много *всего*). Ушел на нее *месяц*. Осталось написать <...> из II части – 4 главы, из III (не написано ни одной) 10 глав. Т. е. по теперешнему плану – на 14 мес. работы, т. е. уложусь в следующий свой корейский год только в том случае, если некоторые главы пойдут быстрее, что сомнительно – есть сложные («Прекрасное есть революция», «Диалоги 70-х», письма Серова).

17 декабря. Закончился 2-й мой семестр в Корее. Под конец расписался, устал. Кажется, удаётся вывести на принтер всю I часть – 18 глав. Сверяю компьютерную перепечатку – и снова правлю. Этак конца не будет. Говорил с Л. по телефону – считает, что моя проза благодаря односторонности (= единству) моей личности может стать явлением, дед может стать новым героем вместо Пл. Каратаева и т. п. Что не нужен сюжет – глыбы лягут собственной тяжестью, без цемента. И – никакой ориентировки на современный литературный процесс! Никакого с ним контакта!

1999

7 января, Москва. Сегодня были с Л. на приеме у патриарха по поводу Рождества <...>

13 января. Л. о моем романе (все привезенное еще не читала, а только: «Пельмени Ильича», «Вольф Мессинг» и что-то еще); списываю с бумажек – писал за нею.

– Главное достоинство – ты не озабочен созданием положительного героя – и вообще героя. Незаинтересованность в нем, он не хочет себя утвердить. Почему такой бешеный успех имеют твои мемуары? Потому что в них та же незаинтересованность собой! Ты хочешь

показать Шкловского, Виноградова – а герой⁴¹ обрисовывается сам собою, между прочим! У NN в мемуарах на первом месте он, N, он хочет прежде всего дать свои мысли – и это скучно, не нужно.

А у тебя – твои герои. И то же у тебя в романе: герой не думает о себе, он не утверждает, не описывается, он выскальзывает из рук – но в результате живой, полнокровный. Биография молодого человека 40–60-х годов 20 века всем известна, а мир, в который он погружен, всем интересен. Его биография должна проходить через роман как волосая нить, пунктир. <...>

– Я и не ставлю цель показать эволюцию героя и проч. Я бы хотел хоть чуть-чуть показать ту Россию, ту ее толщу, которую не описали эмигранты, потому что уехали, и не изобразили советские писатели, потому что было нельзя.

Л.: – Пока я чувствую: есть объект – Россия. И он – в центре. <...> Сюжета – не надо. Он будет складываться из смены тональностей в главах, которая у тебя уже есть, это как набегающие волны, похожие – но разные. И эта стихия совершенно особого, *твоего* юмора, который все объединяет.

– Для меня это оказалось большой неожиданностью, когда в Сеуле физики из ФИАН'а, которым я прочел две-три главы, сказали, что главное у меня – юмор.

– Меня это не удивляет. Тебе и стараться не надо. Половина того, что ты вообще говоришь, – смешно. «Держись, Алёша»⁴² – всё в этом роде.

Герой твой – пунктир. Как только начнешь оплотнять, приделывать руки и ноги – они проткнут полотно⁴³. <...>

– Мне все кажется, что материал этот мало кому интересен. Много отсекаю.

– И зря, и зря! В этом – главный интерес. Ты недаром вчера упомянул «Детские годы Багрова-внука». Все жили в имениях и ездили по степи, а написал об этом только Аксаков! Люди любят обстоятельное описание неприхотливых обстоятельств, бескорыстное описание простых событий и действий. В твоих устных рассказах об этом уже содержался нужный ракурс. Это покорит всех. Твой роман будет бестселлер! О чем сейчас пишут – мафия, выстрелы, секс. У тебя – возврат к нормальным ценностям. И, конечно, фигура деда. Он заменит Хоря и Калиныча и Платона Каратаева.

– Эк куда метнула.

– А что? Это будет новый герой. Во всяком случае в русской литературе XX века такого не было – уж *мне*-то ты поверь.

Женя говорит тоже в этом роде – хотя подробно еще не беседовали. <...>

15 января. Живу на даче; снег, тишина, одиночество. Приходят собаки – Динка и Тося – 3-месячный щенок московской сторожевой, ростом со взрослого пса и с ухватками ребенка. <...>

16 января. Снилось бедная моя Клава – как все умершие, живую. Будто похудела и стала похожа на себя – семиклассницу, в которую я влюбился. Обнял ее при всех. Понятно, почему про то, что похудела, – наложилась ее предсмертная болезнь, которую она запустила. Почему она – самая здоровая, жизнелюбивая – ушла первой из нас?..

⁴¹ Под «героем» подразумевалось, конечно, первое лицо рассказчика: собеседники понимали язык друг друга.

⁴² Мой рассказ тридцатилетней давности о расстреле царской семьи (прим. автора).

⁴³ Ср. слова Чехова: «Нос «реальный», а картина-то испорчена» (прим. автора).

17 января. Приезжали Л. и Женечка; катались втроем на лыжах по снежному лесу 2 часа.

8 февраля. Хватит ли художественной и нервной силы описать любовь мою к старой России и ненависть к тем, кто ее разрушил и топтал столько лет?..

13 февраля. Л.: – Женя [Тоддес] говорит: в твоём романе – какая-то странная увлекательность. Никаких событий, ничего, – а катится, увлекает. <...>

– А что скажет неэлитный читатель?

– За широкого читателя я спокойна. Зощенко нравился не только эстетам, а тому самому пролетарию – обывателю, которого он изображал.

16 февраля. Как всегда, расписался под самый конец. Но надо уезжать от сосен, от снега, от солнца.

6 марта. В Сеуле, как и в прошлый раз, неожиданности: расписание таково, что занят пять дней! <...>

11 марта. Занят учебными делами по горло. Прозы со дня приезда – ни строки. <...>

2 июля. 25 июня прилетел из Сеула, а 26 с Л. уже приехали на дачу. <...> Обновленный дом прекрасен. <...> Ходили на водохранилище. Остальные дни – с 7 утра и до темноты, не разгибаясь, на участке: прополка, покраска полов, наступление на болото, колка дров и т. п. <...>

4 сентября. 1-го прилетел в Сеул. <...> Перед отъездом Л. и Женя Тоддес прочли «Отважный пилот Гастелло», «Прекрасное есть революция» и «Приобретенные признаки...». Обоим больше всего понравился «Гастелло» и меньше всего – «Признаки», где чувствуется тенденция и заданность. (Видимо, так ненавижу Лысенку, что это перетекло в текст.) Женя советует чем-то разбавить. <...> Женя не имел никаких стилистических возражений, сказал, что рука стала тверда. <...>

26 сентября. Вывели на принтере главу «Мама» – 20 стр.! А уже и без нее есть страниц 320–30. А впереди еще не менее 6–7 глав. Это что же – будет 500 стр. – около 20 листов?.. Затевая это безумное предприятие, я рассчитывал листов на 10–12!..

9 октября. Прозу удалось пописать только во время Чусока, здешнего праздника, когда все затихло, все разъехались и не было занятий; за два дня написал около 30 стр. главы «Вольф Мессинг, граф Шереметев и другие». Все остальное время уходит на подготовку комментария по медленному чтению.

6 ноября. Дописал вчера главу «Отец» – сложную для меня (идея раздвоения человека, все понимающего, но вынужденного функционировать, хоть и в слабой степени, в Системе).

14 декабря. Итак, за сентябрь – полдекабря написал 5 новых глав – 96 стр., т. е. около 4 а. л. План был – закончить роман. Но в ноябре пошли композиционные трудности, а потом выплыли 3 новых главы, которые не собирался писать: «Отец», «Мама», «Караси». Контракт продлил, остаюсь здесь на март – июнь. Все расписал: будет 42 главы (если не выплывет какая-нибудь незаконная), из которых не написано 8 (!). Одна очень сложная («Записки диле-

танта»), к двум последним – «И все они умерли» и «Смерть деда» – не знаю, как и подступиться: два раза открывал обложки с листочками и закрывал обратно, не могу. М. б., укрепив нервы на даче в снежном лесу, смогу?..

[27 декабря 1999 года Чудаковы были на праздновании Нового года и юбилея «Нового мира», в котором когда-то начинали свою литературную жизнь – короткими рецензиями и затем первой большой – совместной – статьей о современной прозе. Там А. П. передал главному редактору журнала А. В. Василевскому пять глав из романа. Чудаковы были уверены, что роман больше всего подходит «Новому миру». Тем острее пережил А. П. происшедшее далее.]

2000

9 февраля. Первый выход моего романа в официальные сферы: И. Б. Роднянская прочитала несколько глав.

«– Некоторые читала с захватывающим интересом. Много колоритных – поразительно – деталей. И написано хорошим языком – бесхитростно в хорошем смысле (с этой точки зрения переход на 1-е лицо не работает). Особенно хороши о бабушке, о деде и «Натуральное хозяйство». Но это, конечно, не роман! Повесть о детстве, очерки детства. Будь моя воля, я бы напечатала 3–4 главы в журнале – но только 3–4. М. б., в отдельной книге это как-то сложится по-иному – трудно сказать».

Все тащат написанное в свою сторону – понимают его не так, как автор. Сколько я видел этого в прижизненной критике о писателях самых разных!

<...> Второй выход в официальные круги (собственно первый, Роднянская читала неофициально) – полный афронт: Руслан Киреев, зав. отделом прозы «Нового мира», сказал, что проза автобиографического характера – не совсем автобиографического, но все же – «не в планах журнала».

[В последующие дни А. П. дал главы из романа главному редактору журнала «Знамя» С. И. Чупринину, и тот сказал, что прочитает очень быстро.]

21 февраля. В автобиографиях о таких днях принято писать с придыханьем. Вторая попытка пристроить роман оказалась успешной. Звонил С. И. Чупринину.

– Очень интересно! Должен сказать вам откровенно: брал рукопись с некоторым страхом. Думал: будет что-то осложненное в духе постмодерна. А прочел – хорошая литература, прекрасный язык. Берем, несомненно берем! Надо только решить – что, сколько и т. п. (И еще какие-то комплименты). Приходите в среду. Позвонил на эту тему тут же Наталье Ивановой.

– Порадовали! Когда филолог что-то дает – страшно. Я же вас читаю очень давно, ваша первая статья с Мариэттой лежит у меня выдранная. Но тут – проза! Я ожидала чего-то усложненного, м. б. даже филологического. А у вас – интересно, грустно, весело.

Дальше я сказал, что, к удивлению, обнаружил, что пишу исторический роман.

– Конечно! Та же дистанция, что у Толстого с «Войной и миром» – 50 лет. Всё – история. Эта бабушка с ее щипчиками, ложечками...

Я прямо рыдала! Не ждите до среды. Забрасывайте завтра. Мы мгновенно прочитаем.

1 марта. Прилетел в Сеул. Последний семестр в Сеуле. 24 февраля был в «Знамени». Главы, которые я принес 22-го, прочитали, действительно, мгновенно. Обсуждали прочитанное в составе: С. И. Чупринин, Наталья Иванова, Е. С. Холмогорова.

Чупринин: – К истории вопроса. Откровенно скажу: если бы это был не Чудаков, я бы просто не взял эти отдельные главы смотреть. У нас это не принято. На днях звонит мне (назвал неведомую мне фамилию тоном, что ее все знают) и говорит: «– Написал роман на 2/3!» А я ему: вот когда напишите на 3/3 – звоните, приносите. <...> Много неожиданного. Я сам землю копал, думал, все про это знаю. Но нет! У вас прочитал такое...

Сначала сказали, что возьмут 4 листа, но потом решили: 7–8. Чтоб я сам отобрал главы. Сделать: «I часть» или «Журнальный вариант».

<...> Когда прощались, Чупринин сказал:

– А все-таки предыдущая профессия оказывает влияние?

– ?

– Предметный мир! То, что вы основательно разработали в своих статьях и книгах. И в вашей прозе он занимает особое место.

Заглавие Чупринин отверг напрочь.

– «Смерть деда!» Не вижу, чтобы человек, увидевший у прилавка книгу с таким названием, захотел ее купить.

И накануне отъезда мы с Л. и Женей [Тоддесом] ломали голову над названием. Это надо было сделать быстро – они хотят анонсировать роман. Продиктовал секретарше три варианта: 1) И все они умерли.

Роман-идиллия. 2) Натуральная идиллия. 3) В ту степь. В самолете придумал еще одно: «Там, в степи глухой». Роман-идиллия.

В разговорах в «Знамени» было видно, что главное впечатление и у Чупринина, и у Ивановой – удивление, и не от прозы, а от ее автора: «Вот он оказался какой! Чего знает. А мы думали – филолог». Иванова сказала еще, что от автобиографизма мне не уйти и что напрасно я сделал героя историком.

10 марта. Л. уехала в Италию до 25 марта. Завтра собираюсь в библиотеку в Ен-Се – а то засиделся в своей квартире и закис.

11 марта. Что значит растренированность: в Москве не обливался из тазов холодной водой (дача, в нашей ванной не получается), и, приехав в Сеул, где в роскошной ванной комнате можно обливаться хоть из цистерны, обнаружил, что обливаюсь не с прежним наслаждением. Не хочется выливать на себя 5 тазов, но только 3.

12 марта. Я не против рок-музыки, попсы и пр. Пусть – раз слушают, ходят и платят деньги. Но нужно, чтоб хоть иногда кто-нибудь говорил: все это к тому, что называется искусством, не имеет никакого отношения, это другое, и об этом надо говорить спокойно и неоскорбительно.

23 марта. Позавчера звонил Радик Лапушин. <...> Сказал ему, что роман мой взят в «Знамя». – пришел в восторг; один из немногих, кто так бескорыстно и искренне этому рад.

26 марта. <...> Звонила прилетевшая в Москву Л. <...> – У тебя особый дар описывать обычное, как у Дефо. Потому что ты сам Робинзон!

Умер Вят – ему суждено было оказаться первым из нашей троицы. <...> Как жаль, что не могу похоронить его со всеми вместе, как следует. Надо уезжать из Кореи, надо.

<...> Юрка не знает, что Вят умер, т. к. сам в реанимации – давление, сердце. Так что Вятя в его последний путь не проводили оба его старых друга!..

2 ночи. Брожу; звонил маме – она, как и я, помнит Вятя с его 12 лет; звонил Жинову, он был на похоронах, поговорили. Тоска, тоска.

5 апреля. Алексей Герман говорил по «Свободе», что его отец Ю. Герман по таланту сопоставим с русскими классиками, но жил в такое время, что из него получился просто хороший писатель.

Еще говорил, что Ю. Герман оценивал людей сперва всегда очень хорошо, и только потом находил в них недостатки. Это про меня.

9 апреля. Звонил Радик⁴⁴ <...>. Говорит, что для журнального варианта не обязательно писать главу «Смерть деда», даже если в отдельном издании она будет. И сюжета не надо – даже в отдельном издании. То же, что говорит Женя [Е. Тоддес], Холмогорова, Л.

17 апреля. Убит в своей подольской квартире Похлебкин – замечательный писатель, мой единомышленник и брат по ощущению предметного мира человечества. Он восстанавливал ту материальную культуру России, которая была утрачена. Если б мне в романе тоже хоть частично удалось сделать что-нибудь подобное.

18 апреля. Цветут фиолетовые багульник и рододендрон, сакура, которая здесь гигантских размеров – красота неопишная.

21 апреля. А еще говорят – нет знаков, предопределения. Я приехал в Москву 15 июля 1954 г. Вся она была уклеена газетами с портретами Чехова – был его 50-летний юбилей. И я ходил, смотрел, читал. И подумал: «Буду его изучать». Так и вышло.

22 апреля. И. С. Гагарин о Тютчеве: «Его не привлекали ни богатство, ни почести, ни даже слава. Самым задушевным, самым глубоким его наслаждением было наблюдать за картиной, развертывающейся перед ним в мире, с неослабным любопытством следить за всеми ее изменениями и обмениваться впечатлениями со своими соседями» (Тютчев, Б-ка поэта. 1957, с. 7). Добавлю: и даже не обмениваться! <...>

23 апреля. И о Тютчеве хочется – и мог бы – написать. Хватит ли жизни? «Когда испытываешь <...> сознание хрупкости и непрочности всего в жизни, то существование, помимо духовного роста, является лишь бессмысленным кошмаром» (Тютчев. Из письма. Полн. собр. стих-ний. Б-ка поэта, 1957, с. 20).

25 апреля. Завершающая роман глава «И все они умерли». Неидет. Вспоминать смерть деда и остальных слишком мучительно.

9 мая. Пишу главу – последнюю – «И все они умерли». Как будто еще раз всех хороню. Тяжело.

По «Свободе» песни времен Отечественной войны к 55-летию Победы. Разволновался, как всегда. Мое поколение – последнее военное. Младшие – уже не помнят и чувствуют не так, как мы. А мы – как они, как участники.

27 мая. Отправил журнальный вариант романа (теперь называется «Ложится мгла на старые ступени» – слова Блока из стихотворения «Бегут неверные дневные тени», 4 янв. 1902) в «Знамя». Начал главу «Юрик Ганецкий». Осталось, кроме нее, написать «Проф. Резенкамф», «Сапожник дядя Дема», «ООН», «Кондитер Федерату», «Заметки дилетанта» – т. е., если не придумаю, не дай Бог, что-нибудь еще.

⁴⁴ Р. Лапушин.

1 июня. Звонил Радик Лапушин. <...> Сказал ему, что написал – и с какими трудами – последнюю главу романа. Радовался, поздравлял.

– Ваша проза будет очень своевременна. Раскрытые окна, свежий ветер. Такого нет сейчас. <...> Это – счастливая книга, книга о счастье, вопреки всему.

2 июня. Увы, мой корейский (и – шире – восточный) опыт говорит: никакой «китайский путь», «корейский путь» невозможны – развитие экономики возможно только на западном пути.

9 июня. <...> Л. отнесла журнальный вариант романа в «Знамя». Благодарила Чуприна, что он смог встать над и проч. Он: «– Так хорошая же проза!» И снова говорил, что не ожидал получить прозу такого типа. «Подумать только – структурализм породил такую прозу».

10 июня. Л. звонила и опять говорила, какую замечательную прозу я написал (перечла, выводя на принтер вариант для «Знамени»).

Когда Чуприн удивлялся, она сказала, что уговаривала меня писать с тех самых пор, когда впервые услышала мои рассказы про наш ссыльный город. Собрался – через 40 лет!

Унесенная белой метелью
В глубину, в бездыханность мою, –
Вот я вновь над твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь темные ночи – в венце.
Вот они – еще синие очи
На моем постаревшем лице!
В твоём голосе – возгласы моря,
На лице твоём – жало огня,
Но читаю в испуганном взоре,
Что ты помнишь и любишь меня.

Блок, Посещение. 1910.

Из дневника М. Чудаковой

1 июля 2000, суббота, 13.10.

Читаю и перечитываю (оторваться невозможно!) прекрасную Сашину прозу. Вот – Россия!

Из дневника А. Чудакова

6 июля. 2-го прилетел из Сеула, а 3-го уже был на даче. Живем вдвоем с мамой. Как и в прошлые годы – разговоры, разговоры.

Без меня выстроили библиотеку (над баней) – впервые что-то построено без меня, что очень понравилось.

Роман в «Знамени» поставили в 10-й номер, в редакции говорят, что это редко: в марте автор впервые дал пробные главы, в июне представил текст, а в октябре будут печатать.

4-го был в редакции, снимали вопросы с Хомутовой.

– Замечания у меня мелкие: несогласованность в именах, датах... Не буду же я править стиль такой прозы!

Будут печатать (опять же, говорят, в виде исключения) в 2-х номерах. <...>

Больше всего Хомутовой понравилась глава «Натуральное хозяйство» и последняя – «сильная глава!»

– Мне очень нравится главная идея – как все умели эти люди – не боялись погрузить руки по локоть в грязь, хотя были вполне интеллигентными. Еще на меня произвело <впечатление> высокое отношение к науке – всех, и автора, и героев.

Сказала, что в романе все равно будут искать автобиографические черты и сопоставлять биографии автора и героя. Засылают в набор, на днях будет верстка.

Из дневника М. Чудаковой

12 июля 2000, среда, 19.10, дома.

Машин день рожденья.

<...> Саша со 2-го июля в России, рад и счастлив, что попал, наконец, в родную страну, находится среди соплеменников... Устал от Востока.

С 3-го числа он на даче со своей мамой. Очень доволен моими постройками – особенно библиотекой над баней.

Из дневника А. Чудакова

26 июля. Дал маме почитать роман – впервые бóльшую часть – в прошлом году читала только 2 главы.

– Хороший у тебя язык. Сейчас пишут как в газете или будто доклад делают. А у тебя настоящий русский язык, ясный, простой, выразительный. В чеховском духе.

Прямо целую историческую эпоху охватил – как Солженицын.

29 июля, Тампере. Приехал на VI World Congress. <...>

30 июля. Вчера непрерывное общение с теми, кого не видел 3, 5, 8, 15 лет – Гасановым (живет в Германии), с Леной Краснощековой – живет в Афинах, штат Джорджия, написала книгу о Гончарове, с Андреем Степановым, который там стажировался, Гретой Злобин, Богомоловым, А. Д. Михайловым и Таней [*Николаевой*], Олей Ревзиной, Мироненко. <...>

20 октября, Истра. Вышел 10-й № «Знамени» с I частью моего романа. Полистал, в журнальном виде читать не стал: текст надоел – или вообще всё. Не то было раньше. Вышедшую статью перечитывал, смотрел, что получилось. Л., напротив, читает: «Твой роман мешает мне работать». «В каждой главе, кроме общего потока жизни, есть еще какой-нибудь идеологический удар. Каждая глава отяжелена идеологической тяжестью. <...> У тебя: несмотря ни на что – жизнь идет, есть замечательные люди, которые живут, помогают друг другу, воспитывают детей, ведут интеллектуальные беседы». <...>

21 октября. <...> Умер Юрка Лейко (20 октября, Вят – 20 марта) – второй из нашей троицы. А еще вчера я хотел подарить ему журнал с романом, где он узнал бы нашу жизнь 50-летней давности. Л. по телефону: «Пока ты писал, уже и читать давать некому»⁴⁵. <...>

26 октября. 24 октября, несмотря на болезнь (тяжелый бронхит, впервые в жизни), был на панихиде по Юрке Лейко. Сказал, что нас было трое: он был Атос. Всем понятно, что это значит. Он был человек долга, человек чести, человек спокойной и холодной храбрости – в наше время, когда этический и политический конформизм стал делом обычным, это встречается не часто.

28 ноября. <...> Сегодня приехал в Кёльн – добирался от Дюссельдорфа с приключениями, но все равно в сто раз легче, чем в Корею, – надписи понятны, обо всем можно спросить.

29 ноября. <...> слушаю радио – любимую свою немецкую эстраду. Вспомнилось:

В Щучьем испуганный Роберт Васильич, наш преподаватель немецкого, через огород прошел к Крысцату, играющему на патефоне трофейные немецкие пластинки: «А вы знаете, что вы играете?» «Мы не понимаем. Марши бодрые такие, с утра хорошо послушать.» Это были нацистские марши, в том числе «Хорст Вессель» – странно, что Крысцат, прошедший войну, этого не знал. <...>

3 декабря. С утра – большой пред рождественский концерт – Бах – с изумительными солистами (тенор James Taylor). Передача популярная, дирижер все объяснял. По ассоциации вспомнил концерты 50-х годов в Большом зале и, кажется, в зале Чайковского с исторической ведущей по фамилии Виноградова.

Страна наша ухитрилась устроить себя за последние десятилетия так, что ни от чего на Западе нет беспримесной, чистой радости: увидишь чистые улицы – вспомнишь нашу грязь везде, узришь ухоженные замки – представишь наши разрушенные, заброшенные дворцы с облупившейся штукатуркою, услышишь их церковный хор... И мы б могли! И мы...

5 декабря. Начал главу «Сапожник дядя Дёма Каблuchков». Полностью перекроил первоначальный намеченный – скучный – план: вдохновенье, вдохновенье... Для него надо уехать на Филиппины, в Тайланд, в Кёльн...

6 декабря. Самое тяжкое – не твоя собственная смерть, а гибель культуры всей Земли. Неужели может исчезнуть всё, всё – и египетские пирамиды, и Кёльнский собор, и Гегель, и Пушкин, и Моцарт, и Толстой?.. <...>

7 декабря. Вчера читал вторую лекцию «Чехов и массовая литература 80-х годов. Возникновение нового литературного качества». Задавали вопросы, много было русских студентов, обучающихся в Slav. Inst. Присутствовали Володя Порудоминский и Олег Клинг.

Олег за сутки прочел мой роман. <...> Говорил, что это особый жанр – «идиллия», что сюжет движется чередованием «от я» и «от Антона» (то, что не понравилось Роднянской), а то, что нет острого сюжета – в конце XX века его никто и не ждет. Композиция глав заменяет сюжет.

⁴⁵ А. П. понимал и принимал этот укор: она с незапамятных пор уговаривала его писать этот роман.

По поводу вчерашней записи про смерть. Вдумался: если быть честным до конца, то в гибели всей культуры я все равно сожалею о своей крохотной песчинке в ее здании, которая тоже погибнет.

<...> В библиотеку мне занес «Известия» с обсуждением гимна Володя Порудоминский. <...> В связи с гимном вспомнили Михалковых – и С. В. и Н. С., который забыл весь свой монархизм и хочет, чтобы был старый гимн: видимо, справедливо надеется, что слова в третий раз поручат писать папе!

9 декабря. С Володей Порудоминским по телефону: – Как хорошо, что вы позвонили! Я прочел ваш роман⁴⁶ и ни о чем больше говорить не могу. Это – настоящее!

И совсем меня смутил: «Я не знаю, кто еще бы сейчас мог написать такое. Конечно, этот материал, но его преображение! Я не знаю, как это делается. <...> То, что нет острого сюжета – мне не мешает. А какой сюжет в «Детстве» Толстого? Несбывшийся сон? Сюжет – дед и внук, их отношения снаружи и изнутри. А над последними страницами о деду я даже заплакал. Дед – человек без недостатков. Но это и пленяет. Это законченный, цельный образ.

Я: – Мариэтта говорит, что это еще не изображенный раньше тип русского человека.

– Именно. Но теперь он изображен. Очень хорошо про отца. Я знал одного очень талантливого журналиста, работавшего в «Пионерской правде». Однажды были какие-то цензурные сложности с номером – так он заново один сочинил весь номер.

– Включая письма пионеров?

– Включая письма. Ему было все равно, что писать – передовицу, письма, отклики. А есть журналисты, которых когда заставляли писать о сахарной свекле, они должны были полюбить эту сахарную свеклу – иначе не могли.

10 декабря. <...> Насколько хорошо настроение физическое и творческое, настолько отвратительно политическое: приняли старый гимн. Перезваниваемся с Л. по этому поводу – она пишет статью, хотят они там издать брошюру со статьями на эту тему и распространять ее.

24 декабря, утро. Разбудил звонок из Москвы. «Знамя» присудило мне премию «За произведение, утверждающее либеральные ценности». Л. сказала, что это – самая престижная премия журнала. Но – к понедельнику, т. е. к завтраму (как всегда у нас!) надо написать «нобелевскую речь» 2–3 стр., которая пойдет в № 3.

Только сел, а по TV документальный фильм о теноре Tauber'е, о котором я только читал, а тут – множество фрагментов 1927–1930 гг. в его исполнении – из Легара, Оффенбаха, Штрауса, Леонкавалло, Шуберта («Серенада» – очень хорошо).

31 декабря. 28-го прилетел в Москву из Дюссельдорфа. С чемоданами поехал в издательство к Кошелеву⁴⁷, где на ступеньках встретил убежавшего В. Н. Топорова, а в помещении уже давно выпивали:

В. М. Живов, Вера Мильчина, Боря Успенский, Кошелев и Козлов⁴⁸, Саша Осповат, С. Бочаров.

Расспрашивали у меня про Кёльн, потом разговор свернулся на 91 и 93 год, все вспоминали, кто где был и т. п., кто как думал: советская власть навсегда или нет. Большинство

⁴⁶ Везет мне на таких читателей. Второй прочел за сутки! (Прим. автора.)

⁴⁷ Издательство «Языки русской [впоследствии – «славянской»] культуры».

⁴⁸ Издатели А. Д. Кошелев и М. И. Козлов.

думало: навсегда. Сережа Бочаров сказал, что помнит, как я говорил, что кончится, и всегда в это верил. Я внес уточнение: верил, но прикидывал: буду ли еще в силах в это время работать и вообще пользоваться дарами свободы.

<...> Это уже было при Л., которая опоздала часа на два, т. к. ездила в типографию брать книгу «За Глинку!»⁴⁹, составленную ею, Курилкиным и Тоддесом.

Книга – убойной силы, и то, что она ни на что не повлияла, что старый гимн все равно приняли, – не страшно, м. б. в перспективе времени даже важнее, как идеологический поступок, из тех, что влияют на историю.

2001

1 января. Странно было б не начать новое, третье тысячелетие с новой тетради. Старая кончилась тютельница в тютельница.

Хорошо помню, сколь далеким казалась эта дата в ночь встречи 1951 года. Но наступление второй половины XX века ощущалась острее – видимо, по детской впечатлительности. И с волнением позднее воспринималось письмо акад. Обручева «Привет вам, путешественники в третье тысячелетие» – ощущал себя таким путешественником. Мечтал поднять бокал и сказать: «С Новым годом! С новым веком! С новым тысячелетием!» И поднял.

Встречали с Л. дома – был еще только Женя Тоддес.

Впервые слушал новый-старый гимн. Женя заткнул уши. Первый текст по сравнению с этим – просто классика. Как острил Шендерович, Михалков сочинил новый, третий вариант гимна – «надеюсь, последний». Сильно подпортили настроение перед вступлением в следующее тысячелетие. Последние десять лет не думалось, что такое может произойти.

2 января.

...Кто знает, что такое слава...

С утра – звонок от Иры Роднянской, поздравляла, поговорили о 3-м тысячелетии. <...> – <...> В последнем номере нашего журнала Василевский в своем обзоре сожалеет, что не напечатал твой роман у нас⁵⁰. Я не могла подеяться, я не имею влияния. Откровенно скажу, я не думала, что надо печатать весь роман, но считала, что главы. Все кругом роман хвалят.

Я сказал, какая разница, где напечатано, но потом спохватился и сказал: «Мне, конечно, было бы приятнее в «Новом мире»».

Л. сказала, что тут надо было бы им вмазать (она хорошо помнит, что Ире не понравилось), но мне как-то не пришло в голову.

Почти сразу же – звонок от Тамары Ганиевой – она больше не заведомо литературы и языка в Российской энциклопедии, «поэтому много времени. Но твой роман не могла отложить, начав. Читала всю ночь. Волна чувств. Я совершенно потрясена. Неожиданный пода-

⁴⁹ За Глинку! Против возврата к советскому гимну: Сборник материалов. М., 2000. 128 с. Это был сборник всех обращений и писем в печати и Интернете с протестами против возвращения сталинского гимна. Спешили подготовить и выпустить до Нового года и забрать часть тиража из типографии, чтобы в последние рабочие дни администрации президента передать через нее книжку инициатору такого предновогоднего подарка В. В. Путину в качестве ответного подарка – с соответствующей надписью. Что и было сделано.

⁵⁰ «Александр Чудаков. Ложится мгла на старые ступени. Роман-идиллия // Знамя. 2000. № 10, 11. Северный Казахстан, 40-е. Мощная фигура деда героя / мемуариста. «Рассказывая о собственном становлении, о глубинной связи своего – отнюдь не тривиального – мироощущения с семейным строем и обычаями, Чудаков в то же время стремится доказать: не он один такой», – пишет Андрей Немзер («Внук своего деда. Александр Чудаков написал книгу о том, как сохранилась Россия» // Время новостей. 2000. № 175, 27 ноября). У «Нового мира» была возможность напечатать эту книгу, не напечатали – и это, возможно, наша ошибка» (Библиографические листки. Периодика // Новый мир. 2001. № 3, с. 237. Курсив А. Василевского).

рок. Я как лингвист восхищена твоим языком. Только у Даля найдешь такие выражения. Ты спокойно пишешь: «пропускная бумага», а не «промокашка», «глубенеть» (даже у Даля нет, но слово образовано по правильной модели!). А худая – «пройди свет»? Какое народное выражение. И все это не выглядит какими-то архаизмами, а просто старым, классическим русским литературным языком. И для меня еще в том было потрясение, что он в тебе сохранился с детства, был где-то в тебе, хотя разговариваешь ты на современном литературном языке.

Замечательно про чеченцев. Объективно, многое в них объясняет (как в драке до конца стояли их дети, мальчишки, как я понимаю, лет 10–12, не больше).

Но, конечно, потрясающий дед. Да и бабка великолепна – со всеми своими ножичками и вилочками.

Все время проступает фон XIX века, а это очень важно – он почти исчез в современной литературе.

<...> Ты поздно начал, но теперь тебе надо писать и писать, не останавливаясь! О твоём романе везде только и говорят».

Я-то думаю, что говорят главным образом от неожиданности – так хорошо всем известный человек вдруг оказался не тем, за кого его держали.

22 января. Огромное несчастье: возле Галапагосских островов потерпел аварию нефтеналивной танкер, и уже 575 тонн нефти вылилось в море, нефтяное пятно движется к островам, как раз к пастбищам морских львов. А там рядом – и знаменитые черепахи, которые спокойно жили 200 лет, не подозревая, что кончат свои дни так бездарно. И никому не приходит в голову отнести трассы этих вредоносных судов хотя бы на 500 миль в сторону! Если души видят, что делается у нас, что испытывает душа Дарвина!..

27 января. 24-го был с Л. в швейцарском посольстве на презентации книг Хайди Гальявини о Чечне; книгу подарила с надписью «моим первым учителям»! Долго беседовал с С. К. Аптом – рассказывал мне про мой роман, говорил, что хозяйственные детали – самое интересное в романе. Считает, что это – несомненный новый материал, а современность надо убрать. <...>

25 января в Овальном зале библиотеки иностранной литературы было объявление номинантов премии Аполлона Григорьева: главная \$25 тыс., две других – по \$2,5 тыс. Я попал в шортлист из 7 фамилий, но в тройку не попал. Жюри – А. Василевский, Латынина и еще два критика из провинции. Латынина потом подходила и говорила, что в ее тройке я был. Все почему-то думают, что я очень расстроен, не скажешь же всем, что я рот и не раззвливал.

Потом подошла дама и сказала, что я номинирован на премию «Нацбестселлер». <...>

28 января. <...>. Камень с души: нефтяное пятно от потерпевшего аварию танкера переменившийся ветер относит в сторону от Галапагосских островов.

29 января. Какая-то китайка установила мировой рекорд в плавании на 200 м брасом – 2 мин. 19,5 сек. Приятно сознавать, что для тебя это был когда-то совсем не заоблачный результат (хотя бы и в женском плавании).

10 февраля. 2-го на даче отмечали мой день рождения: Женя Попов, Андрей Немзер, Г. Н. Владимов с новой молодой женой Женей, мы с Л. <...>

10 марта. Вчера приехал на дачу, где не был со 2-го февраля. Снежные заносы, каких еще ни разу не было. Надо писать доклад на Международный конгресс по русскому языку

в МГУ, рецензию на Чумакова, но сутки расчищал снег, таскал дрова, топил на плите снег и проч.

26 мая. На даче с Женечкой, которая закончила учебный год.

Вчера были с Л. в немецком посольстве по поводу присуждения премии Тёпфера Юзу Алешковскому.<...>

Чупринин сказал, что выдвинул мой роман на Букера.

<...> Немецкий атташе культуры долго говорил речь о Юзе Алешковском (с переводом). Юз сказал ответную речь, где вставлял свои излюбленные словечки. В частности, сказал «водяра». Переводчик это никак не перевел, сказав просто «водка» («wodka»). Я, уже выпивший рюмок пять, прокричал ему через весь зал:

– Übersetzen Sie bitte «водяра»!

– Das ist unmöglich! – развел руками добросовестный немец.

25 июля. Снится черт знает что – будто я веду вечер памяти Агнии Барто!

15 августа. Все это время – на даче, готовлю полный (не журнальный) вариант романа. Ничего не читаю, ТВ не смотрю. Чукча не читатель, чукча писатель. Звонила Л.

– Повеселю тебя отзывами о твоём романе. Юра Карякин пришел к Юре Давыдову⁵¹, а тот читает вслух своему взрослому сыну <...> главу про Ваську Гагина, и оба укатываются со смеху. Карякин к ним присоединяется, и целый час веселятся по поводу этой главы. <...>

28 августа. Все эти две недели гоню – готовлю роман для отдельного издания.

М. б., действительно, изъять современность (не нравится Е. Т<оддесу>, Л., Апту) и главы типа «Сексуальный самум»?.. <...>

23 сентября. [За] неделю – после замечаний Л. и Жени Тоддеса выкинул окончательно и до этого уже сильно порезанную линию Лили – Юрика – Вали. Всего 4 главы, в том числе и «Кобры Мозамбика», и все записи из архива Антона. Л. говорит, что роман приобрел единство, которое в нем есть, но этими главами разжижалось. Сидим с ней на даче второй день, читает окончательный вариант, которым восхищается.

– Подымаешь со дна град Китеж и, с другой стороны, показываешь всю необозримую Россию.

14 октября. <...> *Вечер.* Весь день читал верстку романа. Ум за разум заходит. Кузьминский прав – после исключения московских глав, про Юрика, про кухни, «Кобр Мозамбика» (всего около 4-х листов) все стало стройнее и единее. Но – и однотемнее. Выпал образ молодого героя (даже двух) – не осуществившегося, не написавшего того, что мог бы. Немного жаль. Возникла мысль – нужно написать новую, современную повесть, где будет такой герой. <...> Неужто не окончены мои дела с прозой после романа?..

16 октября. Странно, что по ТВ не вспомнили про этот день 60 лет назад – трагический для Москвы.

Дочитываю верстку романа. С выброшенными главами это был совсем другой – не только исторический – роман.

⁵¹ В тот год он был председателем жюри премии Букера; уже тяжело больной, он, как потом стало известно, горячо ратовал на решающем заседании жюри за то, чтоб лауреатом стал Чудаков с его романом, несомненно ставшим, как это и вписано в регламенте Букера, «литературным событием года». И был крайне огорчен поворотом дела.

7 декабря. Вчера был на торжествах по поводу премии Букера. Присудили Улицкой. После этого к нашему столу (Рассадин с женою, Саша Морозов с женою) стали подходить разные лица и говорить, что они считают меня более достойным, чем Улицкую, что ее вещи – дамское рукоделие и проч. Латынина, Прохорова и проч., и проч., много незнакомых. <...>

2002

1 января. Новый год – у мамы. Разговаривали в основном о моем романе. <...>

Вторая половина года прошла в дописывании романа, его печатании, работе с редактором, интервью, выступлениях и прочей суете. Видимо, это интересно лет в 30.

3 января. На дне рождения Л. были Женя Тоддес, Саша Осповат и Женечка. Обсудили программу тыняновских чтений – чтобы уйти от левинтоновского маргинализма и придать им теоретический характер. Например, поставить проблему создания истории литературы: Осповат – I пол. XIX в., я – вторую, Л. – литература советского времени и проч.

Надпись на романе, подаренном в день рождения:

Тому назад уж ... лет
Твердила ты: пиши! Пиши!
И пред закатом я на свет
Все ж нечто вылил из души.
Тебе тут многое не ново:
Все та же Стеллера корова,
Быки, верблюды, кони, псы,
Озер, степей и ям красы,
Семьи за пропитанье Kampf,
Печник профессор Резенкамф...

.....

<...> 2.1.2002.

30 января. Прочитавши роман, звонили Л. Г. Зорин и Наташа Кожевникова. Наташа (много, запишу чуть-чуть):

– Первая серьезная книга последних лет. Никакого постмодернизма. Что ты сейчас свободный человек – неудивительно, но по роману видно, что ты и раньше был таковым. Много трогательных вещей: Гагин, учительница, которая каталась на венике. Юмор свой, особый. <...>

Смутила: «Видно, что автор хороший и добрый человек. Я тебя знаю 40 лет, и это подтвердилось».

Зорин: – Прочел с громадным удовольствием, хотя здесь это не то слово. Расцениваю это как подвиг: восстановлена не только ваша собственная жизнь, но жизнь гигантского пласта людей. Память у вас просто чудовищная. Все это восстановлено на почве материальной жизни, и поэтому достоверно. Показано, как выживала мыслящая Россия, брошенная в эту мясорубку. Прекрасный русский язык, прекрасная проза.

Оказалось много общих вчувствований. Я тоже пересматриваю старые фотографии и с ужасом думаю: все покойники! Даже этот 6-тилетний мальчик. Может, жив? Ему должно быть 95 лет. Не, вряд ли.

Сказал ему, как тяжело мне было писать последнюю главу, где про это.

– Еще бы! В пьесах – я написал 48 пьес – легче, но и там тяжело об этом. Работа на износ.

3 февраля. Вчера звонил, прочитав роман, К. Я. Ваншенкин; писал у телефона на листки.

– Давно не читал ничего подобного. Замечательная книга. Какой язык! А сколько замечательных мыслей! <Первый, кто сказал про *мысли*, а я-то считал, что это первое, что заметят.> Память у вас просто фантастическая. Целая энциклопедия вещей, людей, ситуаций эпохи. Если все это расположить в алфавитном порядке, действительно получится энциклопедия. Это имеет историческую ценность. И озера, и лес, и лошади, и верблюды. И печи, и копанье земли. Я подумал, как бы был рад Твардовский, прочитав такую книгу. Все это потрясающе описано. Я встречал на фронте таких людей, которые все могут, – сам я копать терпеть не могу. Про окапыванье у вас правильно – под огнем копали «ячейку для положения лежа». Правда, постепенно переставали, притерпевались, надоедало... Даже каски не надевали. Чаще всего погибали ребята прибалтнанные – сам черт не брат, мне приказывают, а я не хочу! А «деревня» – та окапывалась – и оставалась жива. <...>

Много трогательного. Читается – не оторвешься, а ведь нет единого сюжета. Читать хочется не торопясь, что я и сделал.

Как всегда, мне стало неудобно, и я перевел разговор на его поэзию – как в Студии худ. слова у Оленина мы учили «Мальчишку», какие у него эссе <...>, про его мемуары и проч. – все это я читаю с 60-го года.

11 февраля. Звонил А. М. Турков.

– Прочел ваш роман с великим удовольствием. Очень хорошая книжка. Очаровательный дед, да еще подсвечен другими – отцом, мамой, соседями. Я читал даже с некоторой завистью – у меня не было ни прямого деда, ни отца. И очень хорошо написано. <...>

Очень важно, что вы показываете: семья выстояла, не перемололась, как пишут обычно. Ощущение целого особого мира. Вас миновала чаша сия, а у меня ведь есть госпитальные впечатления, там солдаты говорили так же откровенно, как и у вас в романе: «дальше фронта не сошлют». Потом, правда, выяснилось, что были и худшие меры воздействия. Кроме того, ведь была надежда, что что-то изменится. Ведь написал же Овечкин повесть «С фронтовым приветом». Я многое тогда не понимал, был зелен, попал на фронт после школьной скамьи, но тоже это чувствовал. И потом: как облака на небе идут в разные стороны – на разных высотах, – так и люди думают по-разному. Всё было.

4 марта. Гоголь! Второй юбилей, который я осознал в жизни – 8-классником, в 1952 г. (первый был пушкинский, в 1949-м). Полвека! Вот уже и я спокойно (спокойно?) пишу это слово. Хотел в этот день положить цветы к андреевскому памятнику, взять Женечку, но неудача – заболел мерзким гриппом. «Счастлив тем, что целовал я женщин, Мял цветы, валялся на траве...» И – читал Гоголя.

5 марта. Г. Каменская, моя слушательница в МГУ в 1970/71 гг., по телефону о романе:

– Книга очень отличается. Журнал не дает представления. Но издано плохо: серая бумага, опечатки.

Видно, что для автора слово важнее человека.

– Для героя!

– Ну, это вам виднее, герой или автор – я их объединяю.

– Герой-автор привык к уединению. И в этом уединении сосредоточился на себе. Самоирония есть, но ее мало. Там, где один из персонажей говорит, что Антон похож на Брута, – я бы такое про себя не написала!

<Что это один *герой* говорит другому *герою*, я уже объяснять/возражать не стал.>

Много провинциальной слесарно-портняжной лексики...

– Народной! Если вы ее не знаете...

– Мне это было скучно. <Голос столичного снобизма.> Риторическое кольцо: с деда начинается, дедом кончается. Очень изящно. Да, опять про провинцию. Автор не выдавли-
вает ее из себя по капле, как Чехов, а культивирует провинциальность. <Опять московский
снобизм.>

Вы и семья осуждаете эвакуированных, которые не хотели работать. Но ведь бывает
такой ступор, когда руки опускаются! Может, у них и был?

– У всех? Там у меня есть про сестру Цветаевой – она освоила огород, работала –
и прокормилась.

– Иногда слишком много навоза и помета. В эти места надо делать интеллектуальные
вставки. Главы «Вечерний звон» и «Другие песни» не понравились. Кто это все поёт?

– Если у вас, в семье полковника, это не пели, это же не значит...

– И вообще, в этих главах виден литературовед! <Надо спросить у Л., виден ли.> Если
герой – историк, он должен мыслить датами. С самого начала. Что он по-другому мыслит
историю – в слове – объясняется слишком поздно. Очень понравилась глава про общежи-
тие – этот кошмар с 9 койками. Неужели жили по 9? Это же уже казарма!

– И были рады, что эту койку получили. Так были низведены.

– Нет беллетризации типа: «Митрич, закладывай лошадь!» Жалко, что не изображены
московские тусовки 70-х годов – только чуть.

Самая большая заслуга – после вашего романа хочется писать мемуары. Я ведь дет-
ство провела в закрытом городке «Свердловск-45». Закрытый настолько, что двери квар-
тир не запирали – чужие в городок не попадали. Я даже придумала начало. У вас похоже
на «Гости съезжались на дачу». А я хотела бы начать так: «В городе было все». Действи-
тельно, было. Мать с соседкой обсуждали проблему, как лучше сохранять черную, а как крас-
ную икру, стоит ли покупать винограда целый ящик – не испортится ли.

14/III. Был на вручении премии Ив. Петр. Белкина в Пушкинском Музее. Первый, кого
встретил, был Фазиль Искандер: – Прочел твой роман. Я просто потрясен твоими знани-
ями! Говоря словами Белинского, энциклопедия крестьянской жизни! Я даже не представ-
лял, что ты это знаешь.

– Да у тебя самого: и как буйволиц доят, и как сыр делают, мамалыгу варят.

– А интересно: отзывов больше от нашего поколения или от молодежи?

– От нашего.

– Да, что-то случилось. Какой-то перелом. Но все вернется!

17 марта. Вчера на ВВЦ часа полтора надписывал свою книгу, а Виталий Леонтьев
ее рекламировал:

– Те, кто ценит в литературе не сенсационность и не злобу дня, а то, что заложено
в каждом настоящем русском...

– Это могло бы стать русской робинзоной...

– Лучший роман года.

– Бережно пронес сквозь... память о русской культуре, о том, что мы потеряли безвоз-
вратно и что смогли сохранить.

– Триумфатор выставки Non fiction...

– Осталось ли в нас что-нибудь от старой русской культуры? На этот вопрос отвечает
роман Чудакова «Ложится мгла...».

– Те, кто любит настоящий русский язык...

– Роман, поучивший наибольшее количество отзывов.

– Роман-эпопея о русской жизни... <...>

23 апреля. Конференция в Пскове, посвященная 100-летию Каверина. <...> Б. В. Аверин. Мемуарная проза Каверина. <...> Подарил Маше Виролайнен и Аверину свой роман. Аверин тут же на заседании стал читать: «Одна рука черная <кузнеца>. Другая – вдвое тоньше, белая <деда>». – «Это нельзя придумать, это было!» Но я эту сцену придумал всю от начала до конца.

3 мая. Поправляя одно слово в концовке романа, ее перечел.
Расстроился.

<...> От некоторых стихов, романсов, прозы мне хотелось плакать. И вот уже не один читатель говорит, что плакал(а), читая последнюю главу моего романа. «И все они умерли». Неуж и мне удалось?..

18 июля. С Марленом Коралловым по телефону; записывал: говорил про роман.

– Я поразился! Я вас никак не связывал с этим пластом жизни. Ученый, талантливый, но с этим пластом...

– Ссылно-каторжным?

– Да!

– Ну, я очень сбоку...

– Но выбрали вы именно этот пласт! Значит, он в вас лег как главный! Как точка отсчета в оценке всего. И я с вами во всем солидарен. Что меня больше всего поразило – блистательная память, количество бытовых деталей, тонкостей. Из писателей одни могут накидать подробностей, другие дать обобщения. С моей точки зрения высшее достижение – соединение того и другого, и оно у вас есть.

Еще одна психологическая черта, располагающая в вашу пользу. Я недавно прочел книгу Генц о Лиле Брик (она работает с архивом Катаняна). И у меня – сразу враждебность: Лиля и ее круг упоены своей исторической значительностью, у них – кровное пренебрежение к *быдлу*, коим они считают остальных и среди которых я полжизни вращался. И вас я прочитал после этой книги. И прочел про тот народ, который они презирали.

Где я сидел? Под Карагандой, Песчанлаг, лагпункт Майкадук. Долинка, которую вы в романе упоминаете, – курортное местечко – это с/х лагерь... Меня туда перевели, и туда ко мне приехал Белинков, после 8 лет получивший четвертак, как и я.

2003

5 января. С Юликом Крелиным, которому недавно сделали операцию по поводу рака прямой кишки и почки, поговорили об Эйдельмане, литературе, о смерти.

– Я раньше смерти боялся. Как это: меня не будет, и я ничего не буду знать, что происходит.

– Я раньше тоже огорчался, но потом понял, что ничего хорошего не будет, станет только хуже.

– Это тоже интересно. А я прочел у Сенеки, что о смерти надо чаще думать, тогда она не так будет страшна. Я стал – оказалось: верно.

– Привыкаешь?

– Видимо. Не знаю. Но – верно.

Поговорили о том, как не хватает Эйдельмана. <...>

28 января. Л. уехала к своим бедным подшефным туберкулезным детям в Горно-Алтайск; пошел на вручение премий «Триумфа» один. <...> Битов <...> – Читаю с запозданием твой роман, нравится. Плуг поставлен под нужным углом. <...>

10 апреля. Звонили из «Олмы-пресс». За 1-й тираж мне ничего не причитается, более того – я им еще и должен и буду покрывать этот долг из второго издания, буде оно состоится! Срочно (за два дня) дописываю свой доклад «Вторая реплика» для Ялты. Завтра отъезд.

13 апреля, Ялта. Дом актера. <...>

Утром – море в 50 метрах под окном! Солнце. Всю ночь оно под окном же шумело.

<...> Надо сдаваться!⁵² Забыл плавки – то, что всегда клал в чемодан в первую очередь!.. Это, впрочем, не помешало славно поплавать в море. Вода чистая, пляж пустынен, солнце; на пляже пили мускатель.

Люди делятся на две категории: одни хотят жить здесь и сейчас, с максимальным телесным и душевным комфортом; другие – в памяти потомков, своих книгах, стихах, мелодиях, и ради этого готовы на любые лишения здесь и сейчас.

14 апреля. С утра почему-то вспомнился Борис Балтер. Умер больше 30 лет назад, а мог бы жить до сих пор. <...>

XXIV Чеховские чтения, Чеховский музей. <...>

16 апреля. Доклады почти все – полный бред. Не выдержу – сочиню очередную пародию. <...>

7 мая. Вчера прилетел в Кёльн. <...>

10 мая. <...> При каждой сложности (= неприятности) жизни (например, сейчас в Кёльне: содрали много за квартиру, сложно утрясал несостоявшуюся поездку в Париж и пр.) убеждаюсь, к ней (жизни) я не приспособлен, хотя, видимо, недурно много лет приворялся, и все считали, что у меня все в порядке. Не в порядке. Каждая чепуха стоит огромного нервного напряжения, последующего самоедства, что сделал все неправильно – а в этом состоянии не могу работать. А когда удается это не разгрести (этого почти не бывает), а *отодвинуть*, забыть (и загнать этим в тупик), то работаю несколько дней прекрасно, в последнее время таким образом написал статью (недурную, кажется) в Festschrift Вольфу Шмиду, полуторалистную статью о «Коньке-Гобунке». Таким же образом написал роман – но это была исключительная ситуация: Корея, никто ни с чем ко мне не лез, не было быта, никаких взаимоотношений ни с кем.

<...> «Dienstag, 13 Mai 2003 11:56 <...> <Мое стих-е, посланное по e-mail>⁵³

К <...>

Я приснился себе медведем, теперь мне трудно ходить.

Г. Адамович

Я все жилы тянул, надрывался
Человеком когда-нибудь стать:
Разучился лапу сосать,
Научился читать и писать.
Но, похоже, медведем остался.
Приучился носить костюм,

⁵² Домашнее присловье: при проявлении сильной забывчивости они приговаривали, что пора, пора добровольно сдаваться в психушку.

⁵³ М. Чудаковой, в Москву из Германии.

Шаркать лапой, убравши когти,
Перестал даже быть тугодум,
В заграницы ежжу в гости.
По утрам я уже не рычу,
Косолапя противовольно;
Если гладить меня – молчу
Или тихо урчу довольно.
И почти привык к людям,
Правда, что-то их слишком много.
Но уж тут виноват я сам,
Что покинул лес и берлогу.

17 мая. <...> Покойный палеоботаник Сергей Викторович Мейен, про которого говорят, что его имя будет стоять рядом с именами Четверикова, Любищева, Вавилова, на вопрос, как отделить бесплодный шовинизм от естественного желания сохранить своеобразие, охранить культуру от безнациональных идей современности, сказал: «Индикатором должно служить отношение не к своей, а к чужой культуре: если «патриот» хоть чем-то принижает чужое, значит он ратует не за своеобразие, не за разнообразие культур, а за свое господство – значит, «возрождение» он видит в подавлении» (Вопр. ист. науки и техн., 1987, № 3. С. 171)».

11 июня. 10-го в ресторане «Огород» (Пр. мира, 28) был большой съезд в честь при-суждения Ире Прохоровой Госпремии. <...>

На торжестве Ирина пела частушки и танцевала очень изящно. Общался с Галушкиным, Ивановой, <...> А. Зориным. Последний рассказывал, как он изучал в Гарварде со студентами мой роман. Один аспирант написал интересную работу: сравнение моего романа с «Виньетками» Жолковского. У обоих авторов преодоление мрачной действительности, но у Жолковского словом (и все в конце концов сводится к *mot* автора по поводу изображенного), а у Чудакова – при помощи коллективных усилий.

15 октября. <...> Л. говорит, что мне в моем романе помог не опыт «глубоких филологических идей», как считает Немзер, а опыт читателя классики, причем читателя-шести-классника. Справедливо.

Но я сказал, что не воспользовался уроками классики в одном смысле: в смелости. Убрал целую большую главу с записями Антона («Записки дилетанта»), которая «выбивалась» по типу (что-то розановское, что-то похоже на Олешу).

Л.: – Не согласна! Твоя смелость – именно в отсечении этой главы и отброшенных тобою городских глав. Они в целом неплохие, но не лучше современной городской литературы, а остальной роман гораздо ее выше. <...>

Дневник последнего года (1 января – 31 августа 2005)⁵⁴

1 января.

Вчера длинный разговор с Л. – закликает не откладывать издание «Чехова в рус. критике». Считает, что Ицкович возьмет. Давно, давно пора! Обещал ей приступить, поехав на дачу, в середине января.

6 января. 2-го у Л. на дне рождения: Инна, Маня с Янисом и Женечкой, Н. М. Зимянина и, как всегда за последние 25 лет, Саша Осповат. <...>

Пишу статью о тотальном комментарии «ЕО» в сборник Иры Сурад.

Объявили: население земного шара перевалило за 6 млрд. Это получилось, когда в Китае оно стало 1 млрд. 300 мил. Гордятся: это могло бы наступить еще 4 года назад, если бы не их программа «одна семья – один ребенок». 4 года. Не густо. Еще недавно их было меньше миллиарда. А я что говорил еще 35 лет назад?.. Хорошо помню, как учили в школе: население Земли – 2 миллиарда. О, великий Мальтус! Никто не понимает, что через 50 лет (дай Бог, чтоб не раньше!) в мире будет 3 проблемы: потепление климата, нехватка пресной воды и перенаселенность. И все религиозные, партийные, социальные противоречия померкнут перед этим вселенским кошмаром.

8 января. Фильм Ф. Дзефирелли «Молодой Тосканини». Как всегда у Дзефирелли, музыкально и роскошно. Правда, Тосканини выступает там против отсебятины дирижеров, как поборник точного следования партитуре авторов. Фильм сделан в 88-м году, до опубликования дирижерских партитур Тосканини, из которых видно, как свободно он относился к тексту великих. Но при всем том – певцы, оркестр... Гениальный марш из «Аиды» – до слёз (слаб стал...).

9 января. С тех пор как в моей душе (лет в 12) открылась дверца в литературу и науку – ее уже сможет закрыть только смерть.

10 янв[аря]. Звонил Саша Кушнер.

– Я давно прочитал ваш роман – не знаю, роман это или нет, но это замечательное произведение. Прекрасно описаны все эти подробности, вещи, умения, дела. И какое у вас умение видеть предметы и любить их!

– Не знаю, конечно, сколь хорошо они описаны, но у меня была самонадеянная мысль, когда я дарил вам книгу, что вам это должно быть близко, что у нас общая любовь к предметному миру.

– Конечно, конечно! Ваш учитель в этом видении – Чехов, недаром вы о нем так много и хорошо писали. Но у вас – иначе. А дед – необыкновенный!

⁵⁴ Последняя тетрадь дневника, который А. П. вел всю жизнь, была начата 14 марта 2004 г. и закончена 31 августа 2005 г. В сентябре он начал новую толстую тетрадь. 22 сентября 2005 на презентации книги В. Аксенова «Зеница ока» в ресторане «Петрович», когда М. Ч., выступив, вернулась к их столику, он заносил в тетрадь только что ею сказанное, сделав, как обычно, комплимент по поводу ее выступления (с В. Аксеновым они в свое время познакомились вместе и писали о нем в их первой совместной статье в «Новом мире», в 1963 году). Эта запись была последней; через несколько часов начатая тетрадь пропала вместе с сумкой и всем ее содержимым – перед тем, как М. Ч. повезла мужа на «Скорой помощи» в больницу. Предпоследняя тетрадь осталась на рабочем столе А. П. на даче. Мы публикуем ее почти целиком, купировав несколько фрагментов, – высказывания одних знакомых о других, имена тех, кто не хотел бы, возможно, предавать тиснению свои неблагоприятные оценки людей. Суждения самого А. П., как правило, сохранены полностью (за исключением некоторых сугубо домашних инвектив по адресу дочери или внучки). Чаще всего упоминаемые в тексте имена близких – Маня, или Маша (их дочь М. А. Чудакова), Женечка (внучка – Е. Я. Астафьева), Янис (ее отец Я. У. Астафьев), Наташа (сестра А. П. – Н. П. Самойлова), Л. – М. О. Чудакова.

– Спасибо, Саша. Мне очень хотелось написать об этих людях, которые уже почти все ушли.

– Это нужно, нужно. Я тут недавно написал одну статью – о Мандельштаме и Пастернаке. Они были втянуты в этот круговорот.

– На самом деле мелкий, политический, хотя он и выглядит большой историей. Для них мелкий, для их масштаба. Но они не могли иначе.

– Не могли. Но лучше бы Мандельштам не писал «Мы живем, под собою не чуя страны». И не читал бы это всем. Хотя да, тогда это был бы не он. Но сколько бы еще написал!..

Лене тоже очень понравился ваш роман. Не собираетесь ли в Питер? Заходите. Посидели бы втроем, поговорили.

11 января. Кажется, статья летит к концу – в пушкинский сборник Иры Сурад. Читая с утра до глубокой ночи Пушкина, еще раз напишу: слаб стал до слез на великую русскую литературу. Пушкиным надо было заниматься раньше, когда нервы были крепче.

Любищев записывал время по минутам – на что́ сколько ушло. Нечто попробовать – хоть с неделю?..

/Сегодня – полтора часа на ремонт молний у сумки (после того, как узнал, что в мастерской починить или вставить одну стоит 120 р.)⁵⁵. ...Да, школа ВВ⁵⁶ – великая школа. Говорят, эрудиция. Конечно, он знал больше о русском языке, чем любой другой филолог. Но не это главное. Главное у него – ощущение слова, проникновение до самых его глубин и всех приращений и потерь в контексте – этим поистине дьявольским чутьем не обладал более никто. Хотелось бы надеяться, что хоть в какой-то степени я этому у него научился...

⁵⁵ Прямыми скобками А. П. стал было отчеркивать описание подобных дел; но дел было много, тратить время на записи, видимо, не захотелось.

⁵⁶ Инициалами «ВВ» или «ВВВ» А. П. всегда передавал имя своего учителя академика В. В. Виноградова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.